

БОЛЬШИЕ ФФ КНИГИ

Уильям Гибсон
Брюс Стерлинг

МАШИНА
РАЗЛИЧИЙ

«АБУКА»

Фантастика и фэнтези. Большие книги

Уильям Гибсон

Машина различий

«Азбука-Аттикус»

1990

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Гибсон У. Ф.

Машина различий / У. Ф. Гибсон — «Азбука-Аттикус»,
1990 — (Фантастика и фэнтези. Большие книги)

ISBN 978-5-389-09177-1

Шедевр альтернативной истории, краеугольный камень субкультуры стимпанка («парового панка»), единственный пример полновесного сотворчества двух жанровых революционеров, которым тесны рамки любого жанра. «Машина различий» – это широкомасштабная, полифоничная панорама мира, в котором одновременно с промышленной революцией произошла революция информационная, так что компьютер явился на век раньше положенного. Мира, в котором Чарльз Бэббидж построил свою разностную машину, а власть у аристократии перехватили лорды-радикалы во главе с Байроном. Мира, в котором палеонтологи-катастрофисты ожесточенно спорят с униформистами, возглавляемая Карлом Марксом коммуна взяла власть в Нью-Йорке, вычислительные мощности измеряются суммарной длиной зацепления медных шестеренок, Лондону грозит экологическая катастрофа, а бунтовщики-луддиты предоставляют конспирологам богатую пищу для размышлений...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-09177-1

© Гибсон У. Ф., 1990

© Азбука-Аттикус, 1990

Содержание

Итерация первая	6
Итерация вторая	50
Итерация третья	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Уильям Гибсон, Брюс Стерлинг

Машина различий

Copyright © 1990 by William Gibson and Bruce Sterling

© М. Пчелинцев (наследники), перевод, примечания, 2014

© А. Гузман, примечания, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство Иностранка®

* * *

Визионерская фантазия на паровом ходу... с невероятной тщательностью проработанная виртуальная реальность на викторианский манер.

Ридли Скотт

Представьте себе, что Акунин и Юзефович были бы не просто сочинителями ретродетективов, но и киберпанками. И, переписываясь по интернету, в соавторстве сочинили бы роман про хакеров XIX века. Получилось бы у них что-то вроде «Машины различий» – альтернативной истории XIX века. Это Лондон не Диккенса, но Чарльза Бэббиджа – изобретателя вычислительного механизма. Машины работают на пару (поэтому, кстати, жанр романа называется steampunk – «паровой панк»). Главной ценностью в обществе становятся даже не деньги и уж тем более не происхождение, а знание, информация.

Лев Данилкин (Афиша)

Безусловная классика жанра и недостижимый образец для подражания.

Британская империя на пике могущества переживает небывалый индустриальный подъем. Новые производительные силы... требуют новых производственных отношений, правила игры, к которым привыкли викторианские леди и джентльмены, то и дело дают сбой – настала пора решительных перемен!

Inolib

Перевод мастерский. Примечания как мини-энциклопедия. В общем, более чем достойный продукт. Роман в пяти итерациях, и это ключ, намек, который многое откроет в книге любому, посвященному даже в низшие тайны хаотической динамики.

Компьютерра

Итерация первая

Ангел Голиада

Композитное изображение, оптически закодированное аэропланом сопровождения трансканального дирижабля «Лорд Брюнель»: в кадре – окраины Шербура, 14 октября 1905 года.

Вилла, сад, балкон.

Уберите завитки чугунной решетки балкона, и взгляду откроется кресло-каталка и сидящая в нем женщина. На никелированных спицах обращенного к окну колеса горит закатное солнце.

Артритные руки женщины, владелицы виллы, лежат на узорчатой материи, сотканной станком Жаккарда.

Руки состоят из сухожилий, тканей, сочлененных суставами костей. Время и незримые информационные процессы сплели из микроскопических волокон клеточного материала женщины.

Ее имя – Сибил Джерард.

Внизу, в запущенном английском саду, голые виноградные лозы оплели деревянные решетки, укрепленные на шелушащихся, давно не беленных стенах. Теплый сквозняк, проникающий в открытые окна комнаты, шевелит на шее женщины выбившиеся из прически седые волосы, приносит запахи дыма, жасмина, опиума.

Ее взгляд устремлен в небо, где проплывает исполинский, бесконечно прекрасный силуэт – металл, сумевший за время ее жизни разорвать пути тяготения. Предшествуя этой царственной громаде, на фоне красного горизонта ныряют и кувыркаются крошечные беспилотные аэропланы.

«Как жаворонки», – думает Сибил.

Огни дирижабля, золотые квадраты окон, мысль о человеческом тепле. Легко и естественно ее воображение рисует картину. Она слышит далекую музыку, музыку Лондона, видит прогулочную площадку дирижабля. Пассажиры пьют, завязывают мимолетные дорожные романы, возможно – танцуют.

Мысли приходят неспрошено, разум строит свои перспективы, сплетая чувства и воспоминания, порождает смысл.

Она вспоминает жизнь в Лондоне. Вспоминает, как она – та, прошлая, давняя – идет по Стрэнду, торопливо огибает толпу зевак у Темпл-Бар. Все дальше и дальше разворачивается вокруг нее город Памяти – пока у стен Ньюгейта на мостовую не падает тень повешенного отца...

Словно наткнувшись на непреодолимое препятствие, память сворачивает, уходит на другой путь, туда, где всегда вечер...

15 января 1855 года.

Комната в «Гранд-Отеле», Пикадилли.

* * *

Один стул перевернут задом наперед и надежно подпирает тяжелую, граненого стекла ручку двери. Другой завален одеждой: короткая женская накидка с оборками, грубошерстная, заляпанная грязью юбка, клетчатые брюки, визитка.

У стены – широкая, ламинированная под клен кровать с балдахином, под одеялом угадываются две фигуры. Где-то вдали стиснутый железной хваткой зимы Биг-Бен проревел десять, хриплый вой каллиопы, дымное, питаемое каменным углем дыхание Лондона.

Ледяной холод простыни. Сибил вытянула ноги, нащупала ступнями керамическую, обернутую фланелью грелку. Пальцы ее правой ноги задели голень мужчины. Прикосновение вырвало его из глубокой задумчивости. Таков уж он был, этот Мик Рэдли, Денди Мик.

Она встретила Мика Рэдли на Уиндмилл-стрит, в «Танцевальной академии Лорента». Теперь, после нескольких дней знакомства, ей казалось, что Мику больше бы подошли «Келлнерз» на Лестер-сквер или даже, может быть, «Портленд румз». Он вечно что-то обдумывал, замышлял, бормотал что-то себе под нос. Умный парень, очень умный. Это ее тревожило. И миссис Уинтерхолтер тоже бы ее не одобрила: обхождение с «политическими джентльменами» требовало такта и умения держать язык за зубами, качеств, которые, по мнению миссис Уинтерхолтер, в избытке имеются у нее самой, однако полностью отсутствуют у ее подопечных.

– И запомни, Сибил, – сказал Мик, – глазки мужикам не строить, хвостом не вертеть. С этим покончено.

Очередная сентенция. Плод его усиленных раздумий.

Сибил усмехнулась, ее лицо было наполовину скрыто одеялом. Мику нравится эта усмешка, усмешка испорченной девчонки. А насчет строить глазки, вряд ли он это всерьез. Так что лучше обратим все в шутку.

– Но не будь я такой вертихвосткой, разве была бы здесь с тобой?

– Забудь, что ты была шлюхой.

– Ты же знаешь, что я имею дело только с джентльменами.

– Это я, что ли, джентльмен? – фыркнул Мик.

– Самый что ни на есть джентльмен. – (Давай, Сибил, самое время ему польстить.) – Модный, современный. Ты же знаешь, я не люблю лордов-радикалов. В гробу я их видала.

Сибил дрожала от холода, но даже это не омрачало ее радости.

Что ни говори, тут ей выпала удача – сколько угодно бифштексов с картошкой и горячего шоколада, кровать с чистыми простынями в номере фешенебельной гостиницы. И гостиница не какая-нибудь, а самая современная, с центральным паровым отоплением, хотя, с другой стороны, Сибил охотно променяла бы беспокойное бурчание раззолоченного радиатора на жар хорошо протопленного камина.

И ведь он – симпатичный парень, этот Мик Рэдли. Упакован потрясно, карманы полные, и при этом не жмот, как некоторые. И пока что не требовал ничего необычного или противного. Сибил знала, что все это скоро кончится, поскольку Мик был приезжим джентльменом из Манчестера. Как приехал, так и уедет. Но доход с него был, и возможно, ей еще удастся растряссти его напоследок. Главное – сделать так, чтобы он привязался к ней и жалел о разлуке.

Мик откинулся на мягкие пуховые подушки и заложил безукоризненно ухоженные руки за голову с наимоднейшей, словно только-только из дорогой парикмахерской, прической. Шелковая ночная сорочка, на груди – пена кружев. Всё по первому классу. Теперь он вроде был не прочь и поговорить. Мужчины, они потом любят поговорить – в основном о своих женах.

Но Денди Мик говорил исключительно о политике.

– Так ты ненавидишь их светлостей?

– А почему бы и нет? – отозвалась Сибил. – У меня есть на то причины.

– И то правда, – медленно произнес Мик. Его взгляд, исполненный холодного превосходства, заставил Сибил зябко поежиться.

– Что ты хочешь этим сказать, Мик?

– Я знаю, почему ты ненавидишь правительство. У меня есть твой индекс.

Секундное удивление тут же сменилось страхом. Сибил резко села в постели. Во рту появился противный железный привкус.

– Ты же держишь удостоверение в сумочке, – объяснил Мик. – Я дал твой индекс одному знакомому магистрату. Он прогнал его через правительственную машину и распечатал твое

боу-стритовское досье. Тра-та-та – и готово, всего-то и делов. – Он довольно ухмыльнулся. – Так что теперь я все о тебе знаю. Знаю, кто ты такая...

Она попыталась не выказать своего ужаса.

– Ну и кто же я, по-вашему, мистер Рэдли?

– Никакая ты не Сибил Джонс, дорогуша. Ты – Сибил Джерард, дочь Уолтера Джерарда, луддитского агитатора.

Он вторгся в ее тайное прошлое.

Жужжание невидимых механизмов, прядущих нить истории.

Мик наблюдал за ее лицом и улыбался. И Сибил вдруг вспомнила этот взгляд. Точно такой, как тогда в заведении Лорента, когда он впервые высмотрел ее в переполненном танцевальном зале. Алчущий взгляд.

– И давно ты это знаешь? – Голос у нее дрогнул.

– Со второй нашей ночи. Ты же знаешь, что я сопровождаю генерала. Генерал – человек важный, а у всякого важного человека есть враги. Как его секретарь и доверенное лицо, я не имею права рисковать с незнакомыми людьми. – Маленькая, хищная рука Мика легонько тронула ее за плечо. – Ты могла оказаться чьим-нибудь агентом. Мною двигали исключительно деловые соображения.

Сибил отпрянула.

– Шпионить за беспомощной девушкой, – выдавила она наконец. – Ну и ублюдок же ты!

Но ругань, похоже, ничуть его не задела – он оставался холодным и жестким, словно судья или лорд.

– Если я и шпиону, девочка, то лишь в своих собственных целях. Я не стукач и не прихвостень властей, чтобы смотреть свысока на революционера, каким был Уолтер Джерард. Как бы там ни называли его теперь наши радикальнейшие лорды, твой отец был героем.

Мик чуть поерзал, устраиваясь поудобнее.

– Уолтер Джерард – он был *моим* героем. Я видел его в Манчестере на митинге, он говорил о правах трудящихся. Это было незабываемо – мы глотки надсаживали криком «ура!». Старые добрые «Адские коты»... – В голосе Мика вдруг прорезались простонародные манчестерские интонации. – Ты слыхала когда про «Адских котов»? В те времена, давно.

– Уличная банда, – пожала плечами Сибил. – Манчестерские хулиганы.

Мик нахмурился:

– Мы были братство! Молодежная гильдия! Твой отец хорошо нас знал. Можно сказать, он был нашим вдохновителем.

– Я бы предпочла, чтобы вы не говорили о моем отце, мистер Рэдли.

Мик раздраженно помотал головой.

– Когда я услышал, что его судили и повесили... – (слова, от которых всегда леденело ее сердце), – мы с ребятами схватили факелы и ломы и буквально взбесились, пошли все крушить... Во славу Неда Лудда, девочка! Сколько ж это лет прошло... – Он потрогал свою кружевную грудь. – Я редко рассказываю эту историю. У машин правительства долгая память.

Теперь все стало понятно – и щедрость Мика, и его сладкие речи, и загадочные намеки о тайных планах и лучшей участи, о крапленых картах и тузах в рукаве. Он дергал ее за ниточки, превращая в свою марионетку. Для человека вроде Мика дочь Уолтера Джерарда – заманчивая добыча.

Сибил откинула одеяло и встала. Зябко ступая по ледяным половицам, перебежала в рубашке к стулу и начала торопливо рыться в груди одежды. Накидка с оборками. Жакетка. Огромная клетка кринолина. Белая кираса корсета.

– Возвращайся в постель, замерзнешь, – лениво окликнул ее Мик. – Не психуй. – Он покачал головой. – Все не так, как ты думаешь, Сибил.

Упорно не оборачиваясь, она продолжала сражаться с корсетом возле окна, где сквозь обмерзшее стекло сочился с улицы свет газового фонаря. Быстрым привычным движением накрепко затянула ленты.

– А если даже и так, – задумчиво продолжал, наблюдая за ней, Мик, – то лишь в небольшой степени.

На другой стороне улицы из только что распахнувшихся дверей оперы выходят господа в черных долгополых пальто и цилиндрах. Лошади в пополах бьют копытами об асфальт и встряхивают от холода гривами. Сверкающий кузов парового экипажа, принадлежащего, надо думать, какому-то лорду, все еще хранит следы чистого загородного снега. В толпе работают проститутки. Бедные девочки, холод на улице собачий, и легко ли отыскать в такую холодную ночь доброе лицо среди всех этих крахмальных рубашек и бриллиантовых запонок. Сибил повернулась к Мику, растерянная, рассерженная, испуганная.

– Кому ты обо мне рассказал?

– Ни единой душе, – ответил Мик, – ни даже моему другу генералу. Я не собираюсь доносить на тебя. Никто еще не обвинял Мика Рэдли в болтливости. Так что возвращайся в постель.

– Не вернусь. – Сибил выпрямилась, ее босые ноги едва не примерзали к полу. – Сибил Джонс – она могла делить с тобой постель, но дочь Уолтера Джерарда – личность значительная!

Мик удивленно сморгнул, задумался, потирая подбородок, а затем кивнул:

– О сколь горька моя утрата, мисс Джерард. – Он сел в постели и театрально указал на дверь. – Так надевайте же свою юбку и ботиночки, мисс Джерард, и мотайте отсюда со всей вашей значительностью. Хотя, с другой стороны, будет очень жаль, если вы уйдете. Умная девушка мне бы ой как пригодилась.

– Да уж не сомневаюсь, – бросила Сибил, но помедлила. Этот негодяй явно намеревался разыграть еще какую-то карту, это было написано у него на лице.

Мик усмехнулся, глаза его превратились в узкие щелочки.

– Ты бывала когда-нибудь в Париже, Сибил?

– Париж? – Ее дыхание застывало в воздухе белыми облачками.

– Да, – кивнул Мик, – в беззаботном и чарующем Париже. Именно туда отправится генерал по завершении лондонских лекций. – Он подпернул кружевные манжеты. – А для чего ты мне нужна, я пока не скажу. У генерала далекоидущие планы. И правительство Франции оказалось перед определенными затруднениями, которые требуют помощи экспертов... – Он торжествующе осклабился. – Но, похоже, я тебя утомляю, а?

Сибил переступила с ноги на ногу.

– Ты возьмешь меня в Париж? – медленно проговорила она. – Честно, не врешь?

– Честнее не бывает. Можешь проверить, в кармане моего пальто лежит билет на паром из Дувра.

В дальнем углу стояло гобеленовое кресло; подойдя к нему, Сибил взяла пальто Мика. Пытаясь унять безудержную дрожь, накинула пальто на плечи. Прекрасная мягкая шерсть, надеть такое – все равно что закутаться в теплые деньги.

– Посмотри в правом кармане, – подсказал Мик. – В бумажнике. – Его, похоже, забавляло, что она ему не верит.

Сибил опустила озябшие руки в карманы. Глубокие, с плюшевой подкладкой...

Ощувив левой рукой жесткий холод металла, она машинально вытащила кургузый многоствольный дерринджер. Ручка из слоновой кости, замысловатое поблескивание стальных курков и латунных патронов. Короткий, с ее ладонь, но тяжелый.

– Вот это ты зря, – нахмурился Мик. – Будь добра, положи его на место.

Сибил убрала опасный предмет, осторожно, но быстро, словно это был живой краб. В другом кармане она нашла футляр из красного сафьяна, внутри были визитные карточки, дело-

вые и личные, с машинной гравировки портретом Мика, под ними лежали расписание лондонских поездов и тисненый прямоугольник жесткого кремового пергамента – билет первого класса на «Ньюкомен» из Дувра.

– Но ведь тебе понадобится два билета. – Она помедлила. – Если ты действительно думаешь взять меня с собой.

– Да, – согласно кивнул Мик, – и второй билет на поезд из Шербура. Нет ничего проще. Можно заказать по телеграфу, прямо от портье.

Сибил снова поежилась и плотнее закуталась в пальто, Мик рассмеялся:

– Не строй такую кислую рожу. Ты все еще рассуждаешь как шлюха, перестань. Начни думать масштабно, иначе мне от тебя никакой пользы. Ты теперь – подружка Мика, пташка высокого полета.

– Я никогда не была с мужчиной, который бы знал, что я Сибил Джерард, – неохотно объяснила Сибил.

Вранье, конечно же. Был еще Эгрмонт – человек, который ее обесчестил. Уж он-то прекрасно знал, кто она такая. Но Чарльз Эгрмонт не имел уже ровным счетом никакого значения – он жил теперь в совершенно ином мире со своей респектабельной, не в меру спесивой женой, своими респектабельными детьми и своим респектабельным местом в парламенте.

И Сибил вовсе не *шлялась* с Эгрмонтом. Слово какое-то не то. Впрочем, здесь трудно провести грань...

А еще она видела, что свежеизобретенная ложь Мику нравится. Щекочет его самолюбие.

Мик открыл серебряный портсигар, извлек оттуда черуту и закурил от маслянисто вспыхнувшей многоцветной спички, наполнив комнату сладковатым запахом вишневого табака.

– Значит, теперь ты меня стесняешься? – спросил он через пару секунд. – Так, пожалуй, даже лучше. То, что я знаю, дает мне чуть больше власти над тобой, чем одни деньги. – Его глаза сузились. – Ведь важно то, что ты знаешь, верно, Сибил? Это нечто большее, чем земля, или деньги, или высокородное происхождение. *Информация*. Самое то.

Сибил испытала мгновенный приступ ненависти к Мику, к его спокойствию и самоуверенности, – чистейшее негодование, резкое и первобытное. Но она подавила в себе это чувство. Ненависть поникла, теряя остроту, обращаясь в стыд. Ведь она ненавидела этого человека только за то, что он ее знает, знает по-настоящему. Он знает, как низко пала Сибил Джерард, знает, что она была когда-то образованной девушкой с манерами и изяществом под стать любой леди.

В детстве, в дни отцовской славы, Сибил вдосталь насмотрелась на таких, как Мик Рэдли. Фабричная голытьба, пятачок пучок в базарный день, эти остервенелые мальчишки сбивались вокруг отца после каждой его зажигательной речи, делали все, что он ни прикажет. Развинчивали рельсы, срывали клапаны паровых машин, вращающих ткацкие станки, гордо складывали к отцовским ногам каски поверженных полисменов. Они с отцом бежали из города в город, зачастую по ночам. Ночевали в подвалах, на чердаках, в безликих меблированных комнатах, скрываясь от радикальской полиции и кинжалов других заговорщиков. И иногда, возбудившись от своих речей, отец брал Сибил за плечи, обещал ей весь мир. Она станет жить госпожой в зеленой и тихой Англии, когда Король Пар будет наконец низвержен. Когда Байрон и его промышленные радикалы будут бесповоротно разбиты...

Но пеньковая веревка заставила отца умолкнуть. Радикалы все правили и правили, идя от триумфа к триумфу, перетасовывая мир, как колоду карт. И вот теперь Мик Рэдли вознесся в этом мире, а Сибил Джерард пала.

Она стояла и молчала, кутаясь в пальто Мика. Париж. Огромное искушение. От одной лишь мысли, а вдруг Рэдли не врет, кружилась голова. Сибил заставила себя задуматься о том, что будет, если она оставит свою жизнь в Лондоне. Это была дурная, жалкая, убогая жизнь – и все же не совсем безнадежная. Ей еще было что терять. Меблированная комната в Уайтче-

пеле и милый Тоби, ее кот. И была еще миссис Уинтерхолтер, которая знакомила девушек с политическими джентльменами. Миссис Уинтерхолтер, хоть и сводня, ведет себя как леди и вполне надежна, таких еще поискать. И еще она потеряет двух своих постоянных джентльменов, мистера Чедвика и мистера Кингсли, каждый из которых навещает ее дважды в месяц. Что ни говори, постоянный заработок, спасающий ее от улицы. Но у Чедвика в Фулеме ревнивая жена, а у Кингсли Сибил украла лучшие его запонки, это ж надо быть такой дурой. И он догадывается, чьих рук это дело.

И ни один из них не швыряет деньги так свободно, как Денди Мик.

Она старательно изобразила улыбку:

– Какой же ты, Мик Рэдди, чудной. Сам ведь знаешь, что можешь вертеть мною как хочешь. Может, я сперва на тебя и взъелась, но не настолько уж я придурочная, чтобы не распознать настоящего джентльмена с первого взгляда.

Мик выпустил дым.

– Ну и хитра же ты, – восхищенно протянул он. – Врешь напрапалую, а личико – ну прямо ангельское. Меня ты, конечно же, не обманула и не обманешь, можешь не надеяться. И все же как раз такая девочка мне и нужна. А теперь – марш в постель.

Сибил послушно легла.

– Мамочки, – сказал он, – у тебя же не ноги, а просто ледышки! Почему ты не носишь комнатные туфли? – Он решительно потянул ленты корсета. – Комнатные туфли и черные шелковые чулки, – продолжал он. – Черные чулки – высший шик, особенно в постели.

* * *

Аароновский приказчик, стоявший за дальним концом застекленного прилавка, окинул Сибил холодным взглядом. Высокий и надменный, в щегольском черном сюртуке и до блеска начищенных ботинках, он чувствовал, что тут что-то не так, прямо нюхом чуял. Сибил ждала, пока Мик расплатится, чинно сложив руки перед собой и украдкой постреливая глазами из-под голубых рюшей капора. Под ее юбкой, в каркасе кринолина, притаилась шаль, украденная, пока Рэдди примерял цилиндры.

Сибил легко научилась воровать сама, безо всякой посторонней помощи. Тут необходима выдержка, это главное. И нахальство. Не смотри ни направо, ни налево – просто хватай, задирай подол и прячь. А потом стой себе с постной физиономией, словно барышня из приличных на утренней службе.

Приказчик потерял к ней интерес, теперь он пялился на толстяка, теребившего подтяжки муарового шелка. Сибил быстро проверила юбку. Нет, вроде не выпирает.

Юный прыщавый клерк с чернильными пятнами на пальцах ввел индекс Мика в кредитную машину. Вжик, щелк, поворот рычага с ручкой из черного дерева – и готово. Он протянул Мику отпечатанный чек, завернул покупку в хрустящую зеленую бумагу и обвязал шпагатом.

«Аарон и сын» никогда не хватятся кашемировой шали. Потом устроят переучет, конторские машины выявят недостачу, но ведь это для них что слону дробина, вон ведь какой магазин, огромный, богатый, прямо что твой дворец. Сплошные греческие колонны, люстры из ирландского хрусталя, миллионы зеркал; блестящие позолотой комнаты загромождены резиновыми сапогами для верховой езды и французским мылом, тростями и зонтиками. А уж в стеклянных, запертых на ключ витринах – чего только нет. Брошки посеребренные и брошки резные, слоновой кости, а еще золотые музыкальные шкатулки и вообще все, что хочешь. И это лишь один магазин из дюжины. Но при всем при том – и Сибил это знала – «Аарон и сын» не был по-настоящему фешенебельным магазином, благородные здесь не покупают.

Только ведь в Англии при деньгах и голове можно добиться чего угодно. Придет время, и мистер Аарон, старый, пейсатый торгош-еврей из Уайтчепела, станет его светлостью с паром

вым экипажем, терпеливо ожидающим у обочины, и собственным гербом на дверце того экипажа. Радикалистскому парламенту ровным счетом наплевать, что мистер Аарон нехристь. Ведь пожаловали лордством Чарльза Дарвина, который сказал, что Адам и Ева были макаками.

Облаченный во французистую ливрею лифтер с лязгом отодвинул перед Сибил и Миком дверь, затем с тем же лязгом закрыл, и клеть пошла вниз.

Покинув залы «Аарона и сына», они окунулись в суету Уайтчепела. Пока Мик сверялся по карте города, выуженной из кармана пальто, Сибил разглядывала меняющиеся буквы на фасаде магазина. Механический фриз – по сути дела, малоскоростной кинотроп, приспособленный для показа объявлений о товарах, – был составлен из сотен раскрашенных деревянных кубиков, поворачивающихся за зеркальным стеклом то одной, то другой гранью. «ПРЕВРАТИТЕ ВАШЕ ПИАНИНО, – предлагали прыгающие буквы, – В ПИАНОЛУ КАСТНЕРА».

Горизонт к западу от Уайтчепела порос частоколом подъемных кранов – голые стальные скелеты, выкрашенные от сырости суриком. Здания постарше стояли в лесах – все, что не шло на снос, уступая место новому, перестраивалось по его подобию. Вдалеке пыхтели экскаваторы, мостовую сотрясала мелкая дрожь – где-то в глубине исполинские механизмы прокладывали новую линию подземки.

Но тут Мик без единого слова развернулся налево и зашагал прочь; его шляпа была сдвинута набекрень, длинное пальто развевалось на ходу, резко мелькали клетчатые отвороты брюк. Сибил едва за ним поспевала. Оборванный мальчишка, на груди жестяная бляха с номером, сгребал с перекрестка мокрый грязный снег; Мик, не задерживаясь, швырнул ему пенни и повернул в Мясницкий ряд.

Сибил наконец нагнала его и взяла под руку. Слева и справа на почерневших железных крюках висели красные и белые туши – говядина, баранина, телятина; плотные мужики в заляпанных кровью передниках многоголосо расхваливали свой товар. Обитательницы Лондона толпились здесь дюжинами с корзинками в руках. Служанки, кухарки, добропорядочные жены добропорядочных мужей. Краснолицый косоглазый мясник выскочил на мостовую прямо перед Сибил; в его ладонях лежало что-то синее и скользкое.

– Постой, красавица! Купи мужу на пирог самые лучшие на рынке почки!

Сибил дернулась и обошла его стороной.

Обочину загромождали тележки, возле которых выкликали свой товар торговцы и торговки; на их плисовых куртках сверкали латунные и перламутровые пуговицы. У каждого имелся свой номерной значок, хотя, по словам Мика... добрая половина номеров была липой, такой же липой, как и гири их весов. Мостовая, расчерченная мелом на аккуратные квадраты, была сплошь устелена клеенками, уставлена корзинами; Мик принялся рассказывать, к каким уловкам прибегают торговцы, чтобы придать свежий вид лежалым, сморщенным фруктам, как они подкладывают дохлых угрей к живым. Сибил улыбалась, видя, как он гордится своими познаниями. Тем временем торговцы кричали о своих метлах, мыле, свечах, а хмурый шарманщик двумя руками крутил ручку своей машины, наполняя улицу торопливым дребезжающим колокольчиков, струн и стальных пластинок.

Мик остановился около складного столика, за которым восседала раскосая женщина в бомбазине – вдова, что ли? Тонкие, скорбно поджатые губы сжимали короткую глиняную трубку. На столике были выставлены многочисленные пузырьки с вязкой на вид жидкостью; должно быть, какое-то патентованное лекарство, решила Сибил, поскольку на каждый пузырек была наклеена синяя бумажка с расплывшимся изображением краснокожего дикаря.

– И что бы это могло быть? – осведомился Мик, постучав пальцем по залитой красным воском пробке.

Прежде чем ответить, вдова извлекла трубку изо рта.

– Каменное масло, мистер, а еще его называют барбадосской смолой. – Ее густой, тягучий акцент неприятно резал ухо, но Сибил почувствовала не раздражение, а скорее жалость. Как далеко занесло эту женщину от того заморского места, которое она звала своим домом.

– Ясно, – кивнул Мик. – А оно, случаем, не техасское?

– Чудо природы, целебный бальзам, – сообщила вдова, – здоровье и радость доставит вам. Собран дикарями из племени сенека в Пенсильвании, с вод великого Масляного ручья, мистер. Три пенни за флакон, и вы забудете все свои болезни.

Узкие бесцветные глаза женщины прищурились еще сильнее, почти утонули в сетке морщин; она смотрела на Мика с каким-то странным выражением, словно пыталась вспомнить лицо. Сибил зябко поежилась.

– Удачи тебе, матушка, – сказал Мик с улыбкой, которая почему-то напомнила Сибил детектива из Отдела по борьбе с пороками, которого она когда-то знала. Маленький рыжеватый человечек, в чьем ведении находились Лестер-сквер и Сохо. Девушки прозвали его Барсуком.

Мик двинулся дальше.

– Что это такое? – спросила Сибил, беря его под руку. – Что она там продает?

– Каменное масло, – ответил Мик, оглянувшись на черную согбенную фигуру. – Генерал говорит, в Техасе оно прямо брызжет из-под земли...

– И это что, и вправду помогает от всех болезней? – заинтересовалась Сибил.

– Не бери в голову, – отмахнулся Мик, – и кончаем треп. – Его явно заинтересовало что-то происходившее в конце переулка. – Вон там один из них. Ты знаешь, что тебе делать.

Сибил кивнула и стала пробираться сквозь базарную толчею к человеку, которого высмотрел Мик. Это был продавец баллад, тощий, со впалыми щеками парень. Из-под цилиндра, обтянутого яркой, в горошек, тканью, выбивались длинные, сто лет не мытые волосы. Руки он держал перед собой, молитвенно сложив ладони, из рукавов мятой куртки торчали пачки листовок с нотами и текстом.

– «Железная дорога в Рай», «Железная дорога в Рай», леди и господа, – привычно тараторил продавец. – «Мчится поезд надежды по скале веков, из Правды и Веры рельсы, а паровоз – Любовь». Прекрасная мелодия, и всего за два пенни, мисс.

– У вас есть «Ворон Сан-Хасинто»? – спросила Сибил.

– Надо, так достану, – отозвался продавец. – А о чем это?

– О великой битве в Техасе, о великом генерале.

Продавец баллад удивленно вскинул брови. Глаза у него были голубые, с безумным блеском – то ли от голода, то ли от религии, а может, и от джина.

– Так, значит, ваш мистер Хасинто – один из этих крымских генералов, француз?

– Нет-нет, – снисходительно улыбнулась Сибил. – Генерал Хьюстон, Сэм Хьюстон из Техаса. И мне нужна эта песня, крайне нужна.

– Сегодня вечером я покупаю свежие публикации и непременно спрошу вашу песню, мисс, непременно спрошу.

– Мне нужно по меньшей мере пять экземпляров, для всех моих друзей, – сказала Сибил.

– За десять пенсов вы получите шесть.

– Значит, шесть, и сегодня вечером, на этом же месте.

– Как скажете, мисс. – Продавец тронул поля шляпы.

Сибил поспешила затеряться в толпе. Все получилось! И не так уж это было и страшно. Раз, другой – и совсем привыкнешь. Да и как знать, может, песня и вправду хорошая, так что люди, которым продавец сбавит в конце концов свои листочки, получают удовольствие. Внезапно рядом с ней возник Мик.

– Неплохо, – снисходительно заметил он, запуская руку в карман пальто, чтобы, как фокусник – кролика, извлечь оттуда теплый, с пылу с жару, яблочный пирожок, обсыпанный сахарной пудрой и завернутый в промасленную бумагу.

– Спасибо, – произнесла Сибил с удивлением и облегчением; она как раз думала свернуть в какой-нибудь тихий уголок и достать украденную шаль, а ведь Мик, получается, все это время ни на секунду не спускал с нее глаз. Она его не видела, а он ее видел. Такой уж он есть, и не надо об этом забывать.

То вместе, то порознь они прошли весь Сомерсет, а затем и огромный рынок Петтикоут-Лейн, освещенный с приближением вечера сонмом огней: ровно горели калильные газовые фонари, ослепительно сверкало белое ацетиленовое пламя, среди разложенной на прилавках снеди мигали чадающие масляные лампы и стеариновые плошки. Несмотря на оглушительный гвалт, Сибил, к вящей радости Мика, одурачила здесь еще троих торговцев балладами.

В ночном сердце Уайтчепела, огромном питейном заведении, где на поблескивающих золотыми обоями стенах полыхали газовые рожки, Сибил нашла дамскую уборную. Там, в безопасности вонючей кабинки, она смогла наконец переложить свою добычу поудобнее. Шаль была очень мягкая, чудесного лилового цвета – благодаря одной из этих странных новых красок, которые делают из угля. Сибил аккуратно сложила шаль и затолкала ее в корсет, пусть пока полежит в надежном месте. Вернувшись к своему новому руководителю, она застала его уже за столиком. Мик успел заказать для нее медовый джин. Сибил села рядом, не дожидаясь приглашения.

– Отличная работа, девочка, – сказал Рэдли, пододвигая ей стакан.

В зале было не протолкнуться от крымских солдат-отпускников; на крикливых, багровых от неумеренно поглощаемого джина ирландцах гроздьями висели уличные феи. Служанок тут не водилось, только устрашающего вида бармены в белых передниках и с увесистыми дубинками, деликатно припрятанными за стойкой.

– Джин пьют только шлюхи, Мик.

– Да почему же обязательно шлюхи, – пожал плечами Мик. – Все его пьют. И ты не шлюха, Сибил.

– Потаскуха, уличная девка, – криво усмехнулась Сибил. – Как ты там еще меня называл?

– Ты теперь напарница Денди Мика. – Он зацепил большими пальцами за проймы жилета и откинулся назад, балансируя на задних ножках стула. – Ты – *авантюристка*.

– Авантюристка?

– Вот именно. – Мик со стуком опустил передние ножки стула на пол. – За тебя. – Он отхлебнул из стакана и скривился. – А ты лучше не трогай эту отраву, они ее скипидаром разбавили, а то и чем похуже. Пошли отсюда.

На этот раз Сибил предусмотрительно повисла на руке Мика, чтобы не мчался, как на пожар.

– Так, значит, вы... э-э... мистер Мик Рэдли – авантюрист?

– Он самый, Сибил, – кивнул Мик, – и ты станешь моей ученицей. А потому делай, что тебе говорят, со всем подобающим подмастерью смирением. Изучай приемы ремесла. А потом, когда-нибудь, ты вступишь в профсоюз. В гильдию.

– Как мой отец, да? Ты что, Мик, смеешься? Кто был он и кто такая я?

– Нет, – отрезал Мик. – На таких, как он, мода прошла. Теперь он никто.

– Так что же, – криво усмехнулась Сибил, – значит, в эту твою хитрую гильдию принимают и нас, распутных девиц?

– Это гильдия знания, – учительским тоном пояснил Мик. – Хозяева, большие шишки, они могут отобрать у тебя все, что угодно. С их проклятыми законами и фабриками, судами и банками... Они могут делать с миром все, что им заблагорассудится, они могут отобрать у тебя дом и родных и даже работу, на которой ты надрываешься... – Мик гневно пожал плечами. – И даже, если ты простишь мне такую дерзость, украсть добродетель у дочери героя. – Он крепко сжал ее руку. – Но им не отнять у тебя того, что ты знаешь, Сибил. Этого им никогда не отнять.

* * *

Сибил услышала шаги Хетти по коридору, затем – побрякивание вставляемого в скважину ключа. Она отпустила ручку серинета, и звук замер на высокой, визгливой ноте.

Вошедшая девушка стянула с головы шерстяную, присыпанную снегом шапочку и скинула темно-синий плащ. Хетти также принадлежала к числу подопечных миссис Уинтерхолтер. Ширококостая хриплоголосая брюнетка, она многовато пила, однако дома вела себя вполне пристойно и, самое главное, никогда не обижала Тоби.

Сибил вынула и уложила в гнездо железную, с фарфоровым набалдашником ручку дешевого серинета, захлопнула исцарапанную крышку.

– Я тут репетировала. Миссис Уинтерхолтер хочет, чтобы я пела в следующий четверг.

– Черт бы ее побрал, эту старую потаскуху, – сочувственно откликнулась Хетти. – А я-то думала, у тебя свидание с мистером Ч. Или с мистером К.?

Хетти потопала ногами перед маленьким узким камином, чтобы согреться, и вдруг заметила россыпь обувных и шляпных коробок от «Аарона и сына».

– Ну ты вообще! – Ее губы изогнулись в широкой, чуть завистливой улыбке. – Это что, новый ухажер? Ну и прушница же ты, Сибил Джонс!

– Возможно.

Сибил плотнула укрепляющей лимонной настойки и чуть запрокинула голову, чтобы горло отдохнуло.

– А ведь небось старуха не в курсе? – подмигнула Хетти.

Сибил с улыбкой покачала головой. Эта не проговорится.

– Ты знаешь чего-нибудь о Техасе?

– Страна в Америке, – не задумываясь, отрапортовала Хетти. – Принадлежит французам, да?

– Ты путаешь с Мексикой. Хочешь сходить на кинотропическое шоу? Бывший президент Техаса выступает с лекцией. У меня есть билеты, бесплатно.

– Когда?

– В субботу.

– Я в этот день танцую, – погрузилась Хетти. – Может, Мэнди сходит? – Она подышала на озябшие пальцы. – Попозже зайдет один мой друг, тебе ведь это не помешает, правда?

– Нисколько, – ответила Сибил.

У миссис Уинтерхолтер было строгое правило, запрещавшее девушкам принимать мужчин в своей комнате. Хетти сплошь и рядом игнорировала это правило, буквально напрашиваясь на неприятности – домовладелец терпит-терпит, а потом возьмет и настучит. Поскольку миссис Уинтерхолтер предпочитала вносить плату за комнаты непосредственно домовладельцу, мистеру Кэрнзу, Сибил почти не случалось с ним говорить, тем более с его женой, угрюмой, толстоногой особой, чьи шляпки могли довести неподготовленного человека до обморока. Кэрнз и его жена никогда не стучали на Хетти, непонятно почему, ведь комната Хетти располагалась стенка в стенку с их спальней, а Хетти особо себя не сдерживала, когда приводила домой мужчин, по большей части – иностранных дипломатов, людей со странным выговором и, судя по звукам за стеной, еще более странными наклонностями.

– Да ты пой, если хочешь, – сказала Хетти, опускаясь на колени перед потухающим камином. – У тебя прекрасный голос. Такой талант нельзя зарывать в землю.

Мелко дрожа от холода, она принялась по одному подкладывать в камин куски угля. В комнату забрался сквозняк – должно быть, через растрескавшийся переплет одного из забытых окон, – и на какой-то миг Сибил ясно почувствовала присутствие рядом чего-то чуждого. Словно чьи-то глаза холодно следят за ней из нездешних сфер. Она подумала о мертвом отце.

«Ставь голос, Сибил. Учись говорить. Это единственное наше оружие», – говорил он ей. И это – за несколько дней до ареста, когда уже стало понятно, что радикалы вновь победили, – понятно всем, кроме Уолтера Джерарда. Даже она видела с ужасающей ясностью всю бесповоротность отцовского поражения. Его идеалы обречены на забвение – не отложены до лучших времен, а напрочь вычеркнуты из истории, они будут раздавлены, многократно перемолоты, как дворняжка, угодившая под грохочущие колеса поезда. «Учись говорить, Сибил. Это единственное наше оружие...»

– Почитаешь? – спросила Хетти. – А я заварю чай.

– Хорошо.

В их с Хетти пестрой беспорядочной жизни чтение вслух было одним из тех мелких ритуалов, которые заменяли им домашний уют. Сибил взяла со стола последний номер «Иллюстрированного Лондон Ньюс», расположила свой кринолин в скрипучем, пахнущем сыростью кресле и начала прямо с передовицы. Опять динозавры.

Судя по всему, радикалы совсем сдвинулись на этих своих динозаврах. Газета напечатала гравюру с изображением экспедиции лорда Дарвина: семеро мужчин во главе с самим лордом, не поленившимся съездить в Тюрингию и спуститься в шахту, уставились на какую-то штуку, торчащую из каменного угля в самом конце забоя. Сибил прочла вслух заголовок, показала Хетти картинку. Кость. Эта самая, которая в угле, штука оказалась чудовищной, с человека размером, костью. Сибил перевернула. Перевернув страницу, она наткнулась на следующую иллюстрацию – как могло бы выглядеть это существо в жизни, с точки зрения газетного художника: чудовище с двойным рядом треугольных, вроде как у пилы, зубцов вдоль горбатого хребта. Огромное, как слон, а злобная, отвратительная головка не больше собачьей.

Хетти разлила чай.

– «Рептилии были полновластными хозяевами Земли», – процитировала она, вдевая нитку в иголку. – Хрень это все собачья, ни слову не верю.

– Почему?

– Да это ж кости тех долбанных великанов, про которых в Библии говорится. Священники врать не станут.

Сибил промолчала. Одна идея дикая, другая и того чище. Она перешла к следующей статье, где восхвалялись действия артиллерии Ее Величества в Крыму. Сибил обнаружила гравюру с изображением двух симпатичных младших офицеров, взирающих на работу дальнбойной пушки. Сама эта пушка, с дулом толстым, как заводская труба, казалась вполне способной расправиться со всеми динозаврами лорда Дарвина. Однако внимание Сибил привлекла врезка с изображением артиллерийского вычислителя. Хитросплетение шестеренок обладало странной красотой и напоминало узор каких-нибудь вычурных обоев.

– Тебе заштопать чего-нибудь надо? – спросила Хетти.

– Нет, спасибо.

– Тогда почитай рекламу, – попросила Хетти. – Ненавижу эту болтовню о войне.

Тут были ХЭВИЛЕНДСКИЙ ФАРФОР из Лиможа, Франция; «ВИН МАРИАНИ», французский тоник, рекомендуемый к употреблению самим Александром Дюма; «КНИГА ОПИСАНИЙ», включающая портреты и автографы знаменитостей, заявки присылать на Оксфорд-стрит, дом такой-то; СТОЛОВОЕ СЕРЕБРО «ЭЛЕКТРО» С КРЕМНИЕВЫМ ПОКРЫТИЕМ, не снашивается, не царапается, ни с чем не сравнимо; ВЕЛОСИПЕДНЫЙ ЗВОНК «В НОВЫЙ ПУТЬ», уникальный голос; КАМЕННАЯ ВОДА ДОКТОРА БЕЙЛИ, лечит брайтову болезнь и подагрический артрит; КАРМАННАЯ ПАРОВАЯ МАШИНА «РИДЖЕНТ», предназначена для использования в домашних швейных машинках.

Последнее объявление привлекло внимание Сибил, но совсем не потому, что обещало крутить машинку с удвоенной скоростью всего за полпенни в час. Тут был рисунок маленького, изящного парового котла на парафине или газе. Чарльз Эгрмонт приобрел такую штуку для

своей жены. Отработанный пар должен был отводиться в ближайшую форточку, для чего к котлу прилагался специальный резиновый шланг. Однако, по словам мистера Эгремонта, что там вышло не так и гостиная мадам превратилась в турецкую баню. Слушая печальную эту повесть, Сибил с трудом скрывала злорадство.

Когда с газетой было покончено, Сибил отправилась спать. Около полуночи ее разбудил мощный ритмичный скрип кровати за стенкой.

* * *

В театре «Гаррик» было темно, пыльно и холодно – и в оркестровой яме, и на балконах, и в зале, среди рядов потертых кресел; но темнее всего было под сценой, там, куда только что спустился Мик Рэдли, вдобавок оттуда несло сыростью и известкой.

– Ты видела когда-нибудь кинотроп, а? – гулко донеслось снизу.

– Как-то раз, за кулисами, – ответила Сибил. – В Бетнел-Гринском мюзик-холле. Я знала парня, который его крутил. Тамошний клакер.

– Дружок? – резко спросил Мик.

– Нет, – поспешила ответить Сибил. – Я там немного пела... Бросила, на этом не зарабатываешь.

Снизу донесся резкий щелчок многоразовой спички, потом второй, и лишь с третьей попытки Мик зажег огарок свечи.

– Спускайся, – скомандовал он, – нечего стоять там, как гусыня.

Подобрав юбки кринолина, Сибил стала осторожно спускаться по отсыревшим ступеням узкой крутой лесенки.

Мик, встав на цыпочки, нащупывал что-то за высоким сценическим зеркалом – огромным листом амальгамированного стекла на подставке с колесиками, потертыми деревянными рукоятками и лоснящимися от смазки шестеренками. Вытащив оттуда дешевый саквояж из черного брезента, он осторожно опустил его на пол у своих ног и присел, чтобы расстегнуть хлипкие жестяные замки. На свет божий появилась пачка перфорированных карточек, обернутая полоской красной бумаги. В саквояже лежало несколько таких пачек и что-то еще – Сибил заметила блеск полированного дерева.

Мик обращался с карточками очень бережно, словно с Библией.

– Проще простого, – сказал он. – Нужно только их замаскировать – написать на обертке какую-нибудь глупость, например: «Лекция о вреде алкоголя. Части один, два, три». И ни одному дураку ни за что не придет в голову их украсть или хотя бы загрузить и посмотреть, что же это такое. – Он провел по краю пачки большим пальцем, и она резко затрещала, как новая игральная колода. – Я вложил сюда уйму денег, – продолжал Мик. – Несколько недель работы лучших киноумельцев Манчестера. Но смею заметить, разработка моя, целиком и полностью. Отлично вышло, девочка. В некотором роде даже художественно. Скоро сама увидишь.

Закрыв саквояж, Мик встал, осторожно опустил колоду в карман пальто, потом наклонился над каким-то ящиком и вытянул толстую стеклянную ампулу. Сдув с ампулы пыль, он сдавил ее конец специальными щипцами; стекло раскололось с характерным хлопком откачанного, герметично запаянного сосуда. Мурлыча что-то себе под нос, Мик вытряхнул на ладонь белый цилиндрик прессованной извести и аккуратно вставил его в гнездо калильной лампы – большой тарелкообразной конструкции из закопченного железа и блестящей луженой жести. Затем повернул кран шланга, потянул носом, удовлетворенно кивнул, повернул второй кран и поднес свечу; из горелки вырвался яростный ком голубоватого пламени.

Сибил, вскрикнув, зажмурилась, в глазах у нее поплыли синие точки. Мик иронически хмыкнул, его руки продолжали возиться с ровно шипящей горелкой.

– Вот так-то лучше, – сказал он через пару секунд, направив ослепительно-яркий драммондов свет на зеркало. – Теперьотрегулируем это трюмо, повернем его куда следует – и дело с концом.

Сибил, шурясь, огляделась по сторонам. Под сценой «Гаррика» было тесно, сыро и пахло крысами, ни дать ни взять грязный подвал, где подышают собаки и нищие; под ногами – рваные, пожелтевшие афиши сомнительных фарсов с названиями вроде «Проныра Джек» или «Лондонские негодяи». В углу валялись скомканные дамские «неназываемые». Недолгие безрадостные дни сценической карьеры позволяли ей догадываться, каким образом оказался здесь столь пикантный предмет.

Она скользнула взглядом по паровым трубам и тугим, как струна, проволочным тягам к сверкающему вычислителю Бэббиджа, маленькой кинотропной модели, не выше самой Сибил. В отличие от всего остального в «Гаррике», установленная на четырех брусках красного дерева вычислительная машина выглядела вполне прилично. Пол и потолок над и под ней были аккуратно выскоблены и побелены. Паровой вычислитель – штука тонкая, с характером, если ты не намерен его холить, уж лучше вообще не покупай. В отвесах калильной лампы причудливой колоннадой тускло поблескивали латунные, усеянные круглыми выступами цилиндры, многие десятки цилиндров. Снизу и сверху их удерживали массивные, тщательно отполированные стальные пластины, вокруг сверкали десятки рычагов и храповиков, тысячи стальных шестеренок. От машины пахло льняным маслом.

Сверкающий, непостижимый механизм завораживал Сибил, вызывал у нее странное, сродни голоду или алчности, чувство. Так можно относиться... ну, скажем, к красивой породистой лошади. Ей хотелось иметь... нет, не обязательно саму эту вещь, но какую-нибудь над ней власть.

Сибил вздрогнула, почувствовав на своем локте ладонь Мика.

– Красивая штука, правда?

– Да... красивая.

Мик развернул ее лицом к себе и медленно, будто священнодействуя, вложил затянутую перчаткой ладонь между капором и левой щекой, нажимом большого пальца заставил Сибил поднять голову и пристально посмотрел ей в глаза.

– Чувствуешь, что от нее исходит?

Сибил напугали и его срывающийся голос, и его глаза, жутковато подсвеченные снизу мертвенно-белым светом калильной лампы.

– Да, Мик, – послушно согласилась она. – Я чувствую... что-то такое.

Он стянул капор с ее головы, и теперь тот болтался сзади на шее.

– Ты же не боишься ее, Сибил, правда? Да конечно же нет, ведь с тобою Денди Мик. Ты чувствуешь некий особый фриссон.¹ Ты еще полюбишь это ощущение. Мы сделаем из тебя настоящего клакера.

– А я смогу? Неужели девушке это под силу?

– Ты слыхала про такую леди – Аду Байрон? – рассмеялся Мик. – Дочь премьер-министра и королева машин! – Отпустив Сибил, он раскинул руки жестом балаганного зазывалы, полы его пальто распахнулись. – Ада Байрон, верная подруга и ученица самого Бэббиджа! Лорда Чарльза Бэббиджа, отца разностной машины, Ньютона современности!

– Но ведь Ада Байрон леди! – изумилась Сибил.

– Ты не поверишь, с кем только не водит знакомство наша леди Ада, – усмехнулся Мик, вытаскивая из кармана колоду перфорированных карт и срывая с нее бумажную обертку. – Нет, я не имею в виду садовые чаепития в компании светских хлыщей, но Ада, что называется, баба не промах... на свой математический лад... – Он помедлил. – Хотя, в общем-то, я бы

¹ Frisson – дрожь (фр.).

не сказал, что Ада лучше всех. Я знаю пару клакеров в Обществе парового интеллекта, по сравнению с которыми даже леди Ада покажется малостью отсталой. Но она гений. Ты знаешь, что это такое – быть гением?

– Что? – спросила Сибил; наглая самоуверенность Мика приводила ее в бешенство.

– Знаешь, как родилась на свет аналитическая геометрия? Некий парень по фамилии Декарт увидел на потолке муху. Тысячи лет миллионы людей смотрели от скуки на мух, но понадобился Рене Декарт, чтобы создать из этого науку. Теперь-то инженеры пользуются его открытием ежедневно и ежечасно, но не будь Декарта, им бы просто нечем было пользоваться.

– Кому интересны эти его мухи? – удивилась Сибил, но Мик ее не слушал.

– Аду тоже посетило как-то озарение, не хуже, чем Декарта. Только никто не сумел еще приспособить ее догадку к какому-нибудь делу. Чистая математика – так это называется. «Чистая!» – передразнил Мик. – Ты понимаешь, что это значит? Это значит, что ей пока не находится никакого применения. – Он потер руки и ухмыльнулся. – Вот и догадка Ады Байрон – никто не находит ей применения.

Его веселье действовало Сибил на нервы.

– А я-то думала, ты ненавидишь лордов!

– Я ненавижу их привилегии, то, что не заработано честным путем, – сказал Мик. – Но леди Ада живет за счет своего серого вещества, а не голубой крови. – Он вложил карточки в посеребренный приемный лоток, а затем резко повернулся и схватил Сибил за запястье. – Твой отец мертв, девочка! Не хотелось бы делать тебе больно, но луддиты мертвы, как прогоревшая и остывшая зола. Ну да, мы устраивали демонстрации и надрывали глотки, боролись за права трудящихся и прочее в этом роде, но все это были слова. А пока мы сочиняли листовки, лорд Чарльз Бэббидж чертил чертежи, по которым был построен сегодняшний мир!.. Люди Байрона, люди Бэббиджа, промышленные радикалы... – Мик сокрушенно покачал головой. – Им принадлежит Великобритания! Им принадлежим мы со всеми нашими потрохами, девочка. Весь земной шар у их ног – Европа, Америка, что там еще. Палата лордов под завязку набита радикалами. Королева Виктория и шагу не сделает без одобрения ученых и капиталистов. И нет, – он ткнул в Сибил пальцем, – нет никакого смысла бороться с этим, и знаешь почему? Потому что радикалы и вправду играют честно – *достаточно* честно, – и если голова у тебя на месте, можно стать одним из них! Никому не заставить умных людей бороться с системой, которая представляется им вполне разумной. Но это не значит, что мы с тобой, – Мик ударил себя кулаком в грудь, – остались у разбитого корыта. Это значит только, что нам нужно думать быстрее, держать глаза и уши открытыми...

Он принял боксерскую стойку: локти согнуты, кулаки сжаты и подняты к лицу, – а затем откинул волосы назад и широко улыбнулся.

– Хорошо тебе говорить, – запротестовала Сибил. – Ты-то свободная пташка. Ты был одним из последователей моего отца – ну и что из того, то же самое можно сказать о многих, кто сидит сейчас в парламенте. Но жизнь падшей женщины кончена. Кончена бесповоротно.

– Вот в том-то все и дело! – Мик раздраженно взмахнул рукой. – Ты теперь работаешь с крутыми ребятами, а мыслишь понятиями уличной девки! Мы едем в Париж, а там тебя ни одна собака не знает. Да, конечно, у здешних фараонов и начальничков есть твой индекс. Но ведь цифры – это только цифры, а твое досье – всего лишь стопка перфокарт. Индекс можно изменить, для этого есть способы. – Он взглянул на изумленное, недоверчивое лицо Сибил и широко осклабился. – Да, согласен, в Лондоне твоим драгоценным это не так-то просто. А вот в Париже, под боком у Луи Наполеона, обстановка совсем иная! В привольном городке Пари все дела делаются быстро, как по маслу, особенно дела авантюристки с хорошо подвешенным языком и красивыми ножками.

Сибил закусила костяшку пальца, у нее защипало в глазах. Конечно же, это было от едкого дыма калильной лампы – и страха. Новый индекс в правительственных машинах – это

новая жизнь! Жизнь без прошлого. Мысль о подобной свободе приводила в трепет. Не столько тем, что значила эта свобода сама по себе, хотя и от этого кружилась голова. Но что может потребовать Мик Рэдли в обмен, за такое-то?

– Ты что, и вправду можешь изменить мой индекс?

– Я могу купить тебе в Париже новый. Выдать тебя за француженку, или аргентинку, или американскую беженку. – Мик скрестил руки на груди. – Пойми меня правильно, я ничего не обещаю. Тебе придется это заработать.

– Ты ведь не дурачишь меня, Мик? – Голос Сибил дрожал. – Ведь я... я могу быть очень, особо мила с тем, кто окажет мне подобную услугу.

– Правда, что ли? – Мик глядел на нее, засунув руки в карманы и раскачиваясь на каблуках.

Слова Сибил, дрожь в ее голосе раздули в нем какую-то искру, это читалось в его глазах. Страстное, почти плотское желание, о котором она всегда смутно подозревала, желание... покрепче насадить ее на крючок.

– Да, если ты будешь обращаться со мной по-честному, как со своей ученицей, а не какой-нибудь слабоумной девкой, которую можно использовать, а затем выбросить, как старую ветошь. – Сибил чувствовала, что у нее подступают слезы, на этот раз еще настойчивей. Она сморгнула и смело вскинула глаза, дала слезам волю – как знать, может, и от них будет какой-то прок. – Ты же не станешь дразнить меня надеждой, чтобы потом ее рассеять, ведь не станешь? Это было бы жестоко и подло! А если ты так поступишь, я... я брошусь с Тауэрского моста! Я не переживу...

– Вытри слезы, – прервал ее Мик, – и слушай меня внимательно. И постарайся понять. Ты для меня не просто хорошенькая бабенка. Этого добра я могу получить где угодно и в любом количестве. Ты нужна мне совсем для другого. Мне нужны толковая голова, решительность и бесстрашие, как у Уолтера Джерарда. Ты будешь моей ученицей, я – твоим учителем, и отношения у нас будут соответствующие. Ты будешь верной, послушной и правдивой, и чтобы никаких уверток, никакого нахальства. Я же обучу тебя ремеслу и буду о тебе заботиться – моя доброта и щедрость в оплату твоей честности и верности. Все ясно?

– Да, Мик.

– Так что, заключаем контракт?

– Да, Мик, – улыбнулась Сибил.

– Вот и прекрасно. Тогда встань на колени, сложи вот так руки, – он сложил ладони как для молитвы, – и принеси следующую клятву. Что ты, Сибил Джерард, клянешься святыми и ангелами, силами, господствами и престолами, серафимами, херувимами и всевидящим оком Господним повиноваться Майклу Рэдли и служить ему верно, и да поможет тебе Бог! Клянешься?

– А это что, обязательно нужно? – ужаснулась Сибил.

– Да.

– Но разве это не тяжкий грех – давать подобную клятву человеку, который... Я хотела сказать... Мы не в святом браке...

– То брачный обет, – нетерпеливо оборвал ее Мик, – а это клятва ученика.

Деваться было некуда. Подобрав юбки, Сибил опустила колени на холодный шершавый камень.

– Клянешься?

– Клянусь, и да поможет мне Бог.

– Да не дрожи ты так, – сказал Мик, помогая ей подняться на ноги, – это еще очень мягкая, женская клятва по сравнению с тем, что бывает. Пусть она поможет тебе отринуть все сомнения и вероломство. А теперь на, возьми, – он протянул ей оплывающую свечу, – и найди этого пропойцу-распорядителя. Скажи ему, чтобы разогревали котлы.

* * *

Ужинали они на Хеймаркете, неподалеку от «Танцевальной академии Лорента», в заведении «Аргайл румз». Кроме общего зала, были там и отдельные номера, где беспутные гости могли при желании провести всю ночь.

Ну а Мику, недоумевала Сибил, ему-то зачем этот отдельный кабинет? Мик определенно не боялся появляться с ней на публике. Однако не успели они покончить с бараниной, как слуга впустил невысокого плотного джентльмена с напояженными волосами и золотой цепочкой на щегольской бархатной жилетке. Он был весь круглый и мягкий, как плюшевая игрушка.

– Привет, Корни, – кивнул Мик, не обеспокоившись даже отложить нож и вилку.

– Привет, Мик, – отозвался незнакомец с неопределенным акцентом актера или провинциала, долгое время прослужившего у городских господ. – Говорят, я тебе нужен.

– Верно говорят, Корни.

Мик не предложил своему гостю сесть, даже не представил его Сибил, и та поневоле почувствовала себя крайне неловко.

– Роль короткая, так что ты все в минуту выучишь. – Мик достал из кармана конверт и протянул его плюшевому джентльмену. – Твои реплики, ключевые слова и аванс. «Гаррик», в субботу вечером.

– Много воды утекло с тех пор, как я играл в «Гаррике», Мик, – невесело улыбнулся Корни; он подмигнул Сибил и удалился не прощаясь.

– Кто это был, Мик? – поинтересовалась Сибил.

Мик вернулся к жаркому и теперь поливал его мятным соусом из оловянного соусника.

– Актер на выходных ролях, – сказал Мик. – Он будет подыгрывать тебе в «Гаррике» во время речи Хьюстона.

– Подыгрывать? Мне? – изумилась Сибил.

– Не забывай, что ты начинающая авантюристка. Со временем тебе придется играть самые разные роли. Политическая речь всегда выигрывает, если ее немного оживить.

– Оживить?

– Не бери в голову. – Он утратил всякий интерес к баранине и отодвинул тарелку. – Для репетиций времени хватит и завтра. Я хочу кое-что тебе показать.

Мик встал от стола, подошел к двери и тщательно закрыл ее на засов. Вернувшись, он поднял с полу парусиновый саквояж и водрузил его на чистую, пусть и многожды штопанную скатерть с характерным узором ромбиками.

Сибил давно уже поглядывала на этот саквояж. И даже не потому, что Мик весь день таскал его с собой: сперва из «Гаррика» – к печатнику, где нужно было перепроверить рекламные листовки лекции Хьюстона, а потом сюда, в «Аргайл румз»; нет, скорее потому, что это была такая дешевка, совсем не похожая на все те модные штучки, которыми так он гордился. Зачем Денди Мику таскать с собой такую сумку, когда он может себе позволить что-нибудь роскошное от «Аарона», с никелированными застежками, из шелка в «клетку Ады»? И она знала, что в черной сумке уже не лежит материал для лекции, те колоды Мик аккуратно завернул в «Таймс» и спрятал за сценическим зеркалом.

Мик расстегнул дрянные жестяные замки, открыл сумку и осторожно вынул длинный узкий ящичек из полированного розового дерева с начищенными латунными уголками. В первый момент Сибил подумала, не подозрительная ли там труба – она видела похожие футляры на Оксфорд-стрит в витрине одной оптической фирмы. Мик буквально дрожал над этим ящичком, и выглядело это довольно забавно – сейчас он был похож на католика, которого призывали перезахоронить папский прах. Охваченная внезапным порывом детского любопытства, она напроць забыла и человека по имени Корни, и странные слова Мика о том, что ей пред-

стоит играть на пару с этим человеком в «Гаррике». Мик со своим таинственным ящиком удивительно напоминал фокусника, Сибил ничуть бы не удивилась, если бы он оттянул манжеты: смотрите, ничего тут нет, и тут тоже ничего.

Мик откинул крошечные медные крючки, а затем сделал театральную паузу.

Сибил затаила дыхание. А может, это подарок? Какой-нибудь знак ее нового положения? Дабы тайно отметить ее как начинающую авантюристку?

Мик поднял крышку розового дерева с острыми латунными уголками.

Ящик был полон игральных карт. Набит ими от и до – не меньше двадцати колод. У Сибил упало сердце.

– Такого ты еще не видела, – сказал он. – Это уж точно.

Мик выдернул крайнюю справа карту и показал ее Сибил. Нет, это не игральная карта, хотя почти такого же размера. Материал какой-то странный: и не бумага, и не стекло, но молочно-белый, блестящий и очень тонкий. Мик легонько надавил на уголки большим и указательным пальцами. Карта легко согнулась, но как только он ее выпустил, упруго распрямилась.

Затем Сибил заметила на карте дырочки, три-четыре десятка частых, словно на швейной машинке пробитых, строчек; дырочки были круглые, аккуратные, как в хорошей перламутровой пуговице. Три угла карты были слегка закруглены, а четвертый – срезан. Возле него кто-то написал бледными фиолетовыми чернилами: «#1».

– Камфорированная целлюлоза, – объяснил Мик. – Страшная штука, если ненароком поджечь, однако для «Наполеона», для самых сложных его операций, не годится ничто другое.

Наполеона? Сибил ничего не понимала.

– Это что-то вроде кинокарты?

Мик просиял от радости. Похоже, она попала в точку.

– Ординатёр² «Гран-Наполеон», мощнейшая машина Французской академии, неужели ты о нем ничего не слышала? Полицейские вычислительные машины Лондона рядом с ним просто игрушки.

Зная, что это доставит Мику удовольствие, Сибил сделала вид, что внимательно рассматривает его сокровище. Ну и что, ящик себе и ящик, деревянный, очень хорошей работы, с подкладкой из зеленого сукна, каким покрывают бильярдные столы. Скользких молочно-белых карточек было очень много, сотни и сотни.

– Так ты бы рассказал мне, для чего это все.

Мик весело рассмеялся и чмокнул ее в губы.

– Всему свое время. – Он выпрямился, вернул карточку на место, опустил крышку и защелкнул крючки. – У каждого братства есть свои тайны. Но если догадки Денди Мика верны, никто в точности не знает, что будет, если прогнать эту колоду. Что-то там выяснится, подтвердится некая совокупность математических гипотез. Дело темное. А главное – имя Майкла Рэдли воссияет на небесах клакерского братства. – Он подмигнул. – У французских клакеров есть собственное братство, «Сыны Вокансона». Жаккардинское общество, так они себя называют. Ну, нам есть что им показать, лягушатникам этим.

Мик был словно пьяный, хотя Сибил прекрасно знала, что он почти не пил, всего две бутылки эля. Нет, скорее ему кружила голову мысль об этих карточках, чем бы они там ни были.

– Эта шкатулка и ее содержимое стоят очень дорого, Сибил. – Он снова сел и принялся рыться в своем саквояже. Одно за другим на стол легли свернутый лист плотной оберточной бумаги, обычные канцелярские ножницы и моток крепкой зеленой бечевки. Продолжая говорить, Мик расправил бумагу и стал заворачивать в нее шкатулку. – Очень дорого. Путешествовать с генералом далеко не безопасно. После лекции мы отправляемся в Париж, но сперва,

² Ordinateur – букв. упорядочиватель (фр.).

завтра утром, ты отнесешь это на Грейт-Портленд-стрит, на Центральный почтамт. – Теперь Мик перевязывал пакет бечевкой. – Отрежь-ка ее, да, вот тут. – Сибил щелкнула ножницами. – А теперь придержи пальцем. – Он затянул крепкий безукоризненный узел. – Отправишь эту посылку в Париж. Пост-рестант.³ Знаешь, что это такое?

– Это значит, что ее будут хранить до прихода адресата.

Мик кивнул, вынул из одного кармана брюк палочку сургуча, а из другого – многообразную спичку. Для разнообразия спичка зажглась с первого раза.

– Да, она будет ждать нас в Париже. Полная безопасность.

В маслянистом пламени сургуч расплавился и потемнел. Алые капли заляпали зеленый узел и коричневую бумагу. Мик кинул ножницы и моток бечевки назад в саквояж, спрятал в карман сургуч и спичку, вынул самопишущее перо и стал заполнять адрес.

– Мик, но почему ты так дорожишь этой штукой, если понятия не имеешь, зачем она и к чему?

– Ну, этого-то я как раз и не говорил. Кой-какие мысли, конечно, имеются. У Денди Мика всегда есть мысли. У меня хватило ума, чтобы взять с собой оригинал в Манчестер, когда я ездил туда по делам генерала. У меня хватило ума выкачать из самых опытных клакеров их новейшие методы сжатия и хватило генеральских денег, чтобы заказать результат на такой же целлюлозе.

Для Сибил все это был темный лес.

В дверь постучали. Неприятного вида мальчишка-половой, стриженный под машинку и беспрестанно шмыгающий носом, вкатил сервировочный столик, чтобы собрать грязную посуду. Он тянул сколько мог, в надежде на чаевые, но не тут-то было: Мик сидел, холодно уставившись в пространство, и время от времени довольно скалил зубы.

Мальчишка звучно втянул соплю и удалился. Через некоторое время послышался стук трости в дверь. Прибыл второй из дружков Мика.

Это был коренастый, поразительно уродливый человек с глазами навывкат и плохо выбритым подбородком; его низкий покатый лоб окаймляла набриолиненная пародия на столь любимые премьер-министром кудряшки. Одет был незнакомец с иголки, в новый, прекрасного покроя вечерний костюм, который дополняли накидка, трость и цилиндр; широкий французский галстук был заколот модной жемчужной булавкой, на пальце масонский перстень. Лицо его и шею покрывал густой бронзовый загар.

Мик проворно вскочил, пожал окольцованную руку, указал на свободный стул.

– Поздно же вы работаете, мистер Рэдли, – заметил незнакомец.

– Мы делаем все возможное, чтобы удовлетворить ваши особые нужды, профессор Радвик.

Стул под профессором Радвиком жалобно скрипнул. На какое-то мгновение Сибил почувствовала на себе взгляд по-жабы выпученных глаз, и сердце ее упало. Неужели Мик просто ломал комедию и сейчас она станет объектом какой-то ужасной сделки?

Но Радвик не проявил к ней особого интереса и снова посмотрел на Мика:

– Не стану скрывать от вас, сэр, что мне не терпится возобновить изыскания в Техасе. – Он поджал губы. В широкой расщелине его рта тускло поблескивали мелкие, грязно-серые зубы. – Светская жизнь Лондона на удивление занудна.

– Президент Хьюстон примет вас завтра в два, если, конечно же, вас это устроит.

– Прекрасно устроит, – буркнул Радвик.

– Вот и хорошо, – кивнул Мик. – Слава вашего техасского открытия растет день ото дня. Я слышал, что им заинтересовался сам лорд Бэббидж.

³ Poste restante – до востребования (фр.).

– Мы работали вместе с ним в Кембриджском институте, – самодовольно ухмыльнулся Радвик. – Теоретическая пневмодинамика...

– По чистой случайности я располагаю машинной секвенцией, которая могла бы развлечь его светлость, – заметил Мик.

– *Развлечь* его светлость, сэр? – На лице Радвика появилось раздраженное, чуть брезгливое выражение. – Лорд Бэббидж человек крайне... вспыльчивый.

– Начальные этапы моей работы пользовались благосклонным вниманием леди Ады...

– Благосклонное внимание? – Смех Радвика был похож на собачий лай. – Так это что, какая-нибудь игорная система? Чем же еще можно вызвать у *нее* интерес?

– Отнюдь, – коротко бросил Мик.

– Ее светлость выбирает себе странных друзей. – Радвик смерил Мика долгим угрюмым взглядом. – Вы, случаем, не знаете человека по фамилии Коллинз, букмекера, или как там их называют? Одним словом, он делает игру на скачках.

– Нет, – качнул головой Мик, – не имел удовольствия.

– Этот молодчик вцепился в нее, как клещ в собачье ухо. – Лицо Радвика налилось кровью. – Он сделал мне предложение, выходящее за всякие рамки...

– И?.. – вежливо поинтересовался Мик.

Радвик сморщил лоб.

– Я думал, вы его тоже знаете – такой человек вполне мог бы вращаться в ваших кругах...

– Нет, сэр.

Радвик подался вперед:

– А может быть, мистер Рэдди, вам знаком другой господин? Сухопарый, длиннорукий, с рыбьими глазами. Господин, который ходит за мной по пятам, как привязанный. Не может ли статься, что он агент вашего президента Хьюстона? Есть в нем что-то такое... техасское.

– Мой президент весьма разборчив в подборе агентов.

Радвик резко встал:

– Я надеюсь, вы будете так добры, что прикажете этому ублюдку убраться к чертовой матери!

Мик тоже встал, его лицо сияло благодушной улыбкой.

– Я непременно уведомлю своего нанимателя о ваших, профессор, чувствах. Боюсь, однако, что я отрываю вас от вечерних развлечений.

Он прошел к двери, открыл ее и вновь закрыл за широкой спиной Радвика.

А затем весело подмигнул Сибил:

– Отправился смотреть крысиные бои! Высокомерный профессор Радвик имеет странное пристрастие к низкопробным забавам. Однако в прямоте ему не откажешь. – Мик помолчал, а затем широко ухмыльнулся. – Генералу такие нравятся.

* * *

Несколько часов спустя она проснулась в «Гранде», рядом с Миком, от щелчка его спички и сладковатого дыма сигары. Он удостоил ее своим благосклонным вниманием трижды – дважды на кушетке позади их стола в «Аргайл румз» и еще раз в «Гранде», пыл для него необычный и даже неожиданный. Сибил сочла это хорошей приметой, хотя третий раз был, пожалуй, лишним – теперь там все натерто и болит.

В комнате было темно, если не считать газового света, сочившегося между занавесками.

Она придвинулась к Мику поближе.

– А куда бы тебе хотелось поехать потом, Сибил? После Франции?

Такой вопрос у нее даже не возникал.

– С тобой, Мик...

Мик коротко рассмеялся, его рука скользнула под одеяло, пальцы сомкнулись на курчавом бугорке.

– Так куда мы поедem, Мик?

– Со мной ты для начала попадешь в Мексику. Потом, вместе с франко-мексиканской армией под командованием генерала Хьюстона, мы двинемcя на север, освобождать Техас.

– Но... ведь в Техасе, там все так дико и страшно...

– Перестань рассуждать, как уйтчепельская дуреха. Весь мир дикий и страшный, если смотреть на него с Пикадилли. У Сэма Хьюстона в Техасе самый настоящий дворец. До того как техасцы дали ему пинка под зад, он был крупнейшим союзником Британии на американском Западе. А мы с тобой – мы могли бы зажить в Техасе вельможами, завести усадьбу, построить роскошный дом где-нибудь у реки...

– А они, эти, не помешают?

– Ты имеешь в виду правительство Ее Королевского Величества? Коварный Альбион? – хохотнул Мик. – Все это сильно зависит от британского общественного мнения. Мы из кожи вон лезем, чтобы создать Хьюстону репутацию. А то зачем бы ему это лекционное турне?

– Понимаю, – кивнула Сибил. – Ушлый ты парень, Мик.

– Тут дела серьезные! Равновесие сил. Пять веков оно работало на Британию в Европе и еще лучше срабатывает в Америке. Союз, Конфедерация, республики Техас и Калифорния – все по очереди пользовались благосклонностью Британии, пока не становились слишком уж дерзкими, слишком независимыми, и тогда с них сбивали спесь. Разделяй и властвуй, вот так-то, милая. – Красноватый огонек Миковой сигары то разгорался, то тускнел. – Если бы не британская дипломатия, британская мощь, Америка стала бы громадным единым государством.

– А этот твой друг, генерал? Он что, правда что-нибудь может?

– В том-то вся и прелесть! – Огонек сигары описал широкую дугу. – Дипломаты считали, что с Сэмом Хьюстоном трудно договориться, не совсем одобряли его политику, не поддерживали его достаточно активно. Но сменившая его техасская хунта во сто раз хуже. Эти ребята открыто враждебны интересам Британии! Их дни сочтены. Изгнанному генералу пришлось малость помариноваться в Англии, но теперь он готов вернуться в Техас, чтобы снова занять свое законное место. – Мик с наслаждением затянулся. – Давно бы пора. Вот только правительство Ее Величества и само еще не знает, чего ему нужно. Там полный раскол! Некоторые фракции не доверяют Сэму Хьюстону, но уж французы-то помогут нам точно! У их мексиканских союзников пограничные стычки с Техасом. Им нужен генерал!

– Так ты что, на войну собрался? – Сибил с трудом представляла себе Денди Мика, ведущего эскадрон в атаку.

– Да нет, – небрежно отмахнулся Мик, – речь идет скорее о государственном перевороте, так что большой крови не будет. Я заведу у Хьюстона всеми связями с общественностью и никуда из его команды не денусь. Именно я организовал ему и это лондонское турне, и будущее во Франции. Именно я нашупал нужные контакты и обеспечил ему аудиенцию у французского императора...

Неужели это и в самом деле правда?

– И именно я гоняю для него на кинотропе лучшую и новейшую продукцию Манчестера, ублажаю прессу и британское общественное мнение, нанимаю расклейщиков афиш... – Мик затянулся сигарой, его пальцы задвигались там, внизу, и Сибил услышала, как он пыхнул ртом, выпуская большое облако ароматного дыма.

Но его, похоже, не очень тянуло на четвертый заход, и вскоре она снова заснула и видела сны. Сны о Техасе. О бескрайних техасских просторах, где пасутся бессчетные стада овец, а еще – облицованный камнем особняк, поблескивающие в лучах закатного солнца окна.

* * *

Сидя возле прохода в третьем ряду «Гаррика», Сибил безрадостно размышляла о том, что выступление техасского генерала не вызвало особого наплыва публики. Люди еще подходили, поштучно и небольшими группами, тем временем оркестр из пяти человек пиликал, бухал и дудел. Прямо перед ней рассаживалось семейство в полном составе: два мальчика в матросках и синих штанишках, маленькая девочка в шали и платьице с кружевами и две совсем уж маленькие девочки, их опекала гувернантка, худющая горбоносая особа с водянистыми глазами, непрерывно сморкавшаяся в кружевной платок. Гордо прошествовал прыщавый, саркастически улыбающийся подросток, старший сын. Затем – отец во фраке, с тросточкой и бакенбардами, и толстая мамаша с длинными подвитыми локонами, свисающими из-под жуткой шляпки, и с тремя золотыми кольцами на пухлых, как сосиски, пальцах. Наконец все они устроились, шурша пальто и шальями, чмокая засахаренными апельсиновыми корочками – тошнотворно благопристойные, терпеливо ожидающие поучительного зрелища. Прилично обеспеченные, намытые и наглаженные, в приличной, фабричного пошива, одежде.

Рядом с Сибил уселся очкастый, конторского вида парень; верхняя часть его лба отливала предательской синевой – подбрил, значит, волосенки, высоколобым интеллектуалом хочет выглядеть. Он читал Микову программку и с наслаждением сосал кислый лимонный леденец. Чуть дальше – трое офицеров, отпускников из Крыма, высокомерные профессионалы пришли послушать о старомодной войне в Техасе, которую вели старомодными способами.

То там, то здесь – ярко-красные пятна мундиров: солдатики...

Их товарищи сидят сейчас по кабакам, лакают джин да шупают девок, а эти – вон какие чинные. Копят себе королевское жалованье, зубрят артиллерийскую арифметику, а потом вернутся домой, чтобы работать на железных дорогах и верфях, карабкаться вверх по социальной лестнице.

Если уж на то пошло, театр был набит такими карабкателями: лавочники, продавцы и провизоры со своими опрятными женами и отпрысками. Во времена Уолтера Джерарда Уайтчепел населяли злые тощие оборванцы, ни на секунду не расстававшиеся с дубинками и ножами. Но с приходом радикалов все стало не так, теперь даже в Уайтчепеле появились добела отмытые, затянутые в корсеты женщины и придурковатые, вечно посматривающие на часы мужчины, читающие «Словарь полезных знаний» и «Журнал нравственного развития» в надежде преуспеть.

Пламя в газовых рожках осело и потухло, оркестр грянул примитивное переложение песенки «Приди ко мне». Затем из-под сцены донеслось громкое «пых», вспыхнул калильный свет и занавес, прикрывавший до этого момента экран, разъехался в стороны. Сквозь гром музыки прорывалось пощелкивание встающих на место кубиков, по краям экрана возникла узорная рамка, нечто вроде черной изморози, а посередине – высокие причудливые литеры машинной готики, черные на белом:

КОМПАНИЯ
«ПАН-ОПТИК»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Из-за левой кулисы появилась грузная, неопрятная фигура Хьюстона. Чуть прихрамывая, герой дня направился по окутанной полумраком сцене к трибуне.

Сибил рассматривала генерала с любопытством и настороженностью – ей впервые представлялся случай взглянуть на Микова работодателя. Она уже видела в Лондоне достаточно американских беженцев, чтобы составить о них представление. Юнионисты, если у них были деньги, одевались примерно так же, как обычные британцы, тогда как конфедераты имели

склонность к нарядам ярким и аляповатым. Если судить по Хьюстону, техасцы представляли собой народ еще более странный и свихнутый. Генерал, крупный человек с красным мясистым лицом, возвышался – возможно, за счет тяжелых башмаков – на добрых шесть футов. Его широкие плечи были укутаны в длинное домотканое одеяло или попону, нечто вроде накидки с узором из каких-то дикарских полосок. Красное, черное и коричневое, это одеяло мело сцену «Гаррика», как тога трагика. В правой руке генерал держал толстую, красного дерева трость – не опирался на нее, а только небрежно помахивал, однако ноги его подкашивались. Сибил отлично видела, как дрожит золотая опушка лампасов.

Затем Сэм Хьюстон взошел на все еще затемненную трибуну, вытер нос и отпил из стакана чего-то, что явно не было водой. Над головой у него кинотроп выщелкнул цветную картинку: британский лев и нечто вроде длиннорогого быка. Братающихся зверей осеяли скрещенные государственные флаги Британии и Республики Техас. Одинаковая – сине-бело-красная – расцветка «Юнион Джека» и «Одинокой Звезды» удачно подчеркивала их единство. Руки Хьюстона, скрытые трибуной, что-то там поправляли, скорее всего – небольшое зеркало, чтобы во время речи поглядывать на экран и ничего не перепутать.

Изображение снова стало черно-белым, кубики мигали, опрокидываясь ряд за рядом, как костяшки домино. Сверху вниз возник портрет, прорисованный чуть зазубренными линиями: высокий, с залысинами лоб, затем тяжелые брови, мясистый нос, окаймленный густыми бакенбардами. Тонкие губы решительно сжаты, подбородок вскинут. Затем под портретом возникла подпись: «ГЕНЕРАЛ СЭМ ХЬЮСТОН».

Вспыхнула вторая друммондова горелка, пятно света выхватило трибуну, отчего фигура генерала неожиданно появилась перед аудиторией. Сибил захлопала первой – и кончила хлопать последней.

– Премного вам благодарен, леди и джентльмены Лондона. – У Хьюстона был низкий хриплый голос умелого оратора, несколько подпорченный иностранной тягучестью. – Вы оказываете чужаку большую честь. – Он окинул взглядом партер. – Я вижу здесь немало джентльменов из войск Ее Величества. – Движением плеча он распахнул свое одеяло, и приколотые к мундиру ордена резко вспыхнули в друммондовом свете. – Ваш профессиональный интерес весьма лестен, господа.

Впереди беспокойно ерзали дети. Один из мальчиков ткнул девочку – ту, что побольше, – в бок; девочка негромко взвизгнула.

– Я вижу тут и будущего британского воина!

Последовала россыпь удивленных смешков. Хьюстон скосился в зеркало, потом облокотился на трибуну; его тяжелые брови добродушно сошлись на переносице.

– Как тебя звать, сынок?

Вредный мальчишка вытянулся на своем стуле.

– Билли, сэр, – пропищал он. – Билли... Уильям Гринакр, сэр.

Хьюстон степенно кивнул:

– Скажите мне, мистер Гринакр, хотелось бы вам убежать из дому и жить с краснокожими индейцами?

– О да, сэр, – выпалил мальчишка и тут же поправился: – О нет, сэр!

В зале снова засмеялись.

– В вашем возрасте, мистер Гринакр, меня тоже манили приключения. И я послушался этого зова.

Кубики за спиной генерала снова перетасовались, на экране возникла цветная карта, контуры различных американских штатов, причудливой формы провинции с малопонятными названиями. Хьюстон посмотрел в зеркало и заговорил быстрее:

– Я родился в американском штате Теннесси. Моя семья была из шотландских дворян, но жизнь на нашей маленькой пограничной ферме была тяжелая. Американец по рождению,

я, однако, не питал верноподданнических чувств к далекому вашингтонскому правительству янки.

На экране возник портрет американского дикаря: безумное, утыканное перьями существо, на щеках – разноцветные полосы.

– За рекой от нас, – продолжал Хьюстон, – жило могучее племя чероки, безыскусные люди, исполненные врожденного благородства. Они привлекали меня гораздо больше, чем жизнь в среде американцев, чьи души, увы, разъедены алчностью, беспрестанной погоней за долларом.

Хьюстон сокрушенно покачал головой, показывая, насколько ему больно говорить британской аудитории об этой национальной слабости американцев. Вот он и расположил их к себе, подумала Сибил.

– Чероки покорили мое сердце, – продолжал Хьюстон, – и я убежал к ним, не имея, леди и джентльмены, ничего, кроме куртки из оленьей кожи и «Илиады», великой поэмы Гомера.

По экрану кинотропа прокатилась снизу вверх волна, кубики сложились в черно-белый рисунок с греческой вазы: воин в шлеме с гребнем и с поднятым копьем. В левой руке воина был круглый щит с изображением распростершего крылья ворона. Картинка понравилась зрителям, кое-кто из них даже захлопал. Хьюстон отнес эти аплодисменты на свой счет и скромно, с достоинством кивнул.

– Дитя американского фронта, – продолжил он, – я не могу утверждать, что получил хорошее образование, однако, похоже, я наверстал упущенное и смог возглавить нацию. В юности моими учителями были древние греки. Каждая строка поэмы слепого певца навечно запечатлелась в моей памяти. –левой рукой Хьюстон поднял увешанный орденами лацкан. – Сердце в этой израненной груди, – он ударил в означенную грудь кулаком, – билось и бьется в такт благороднейшей из историй, чьи герои были готовы вызвать на бой самих богов и хранили свою воинскую честь незапятнанной... до самой смерти!

Он замолчал. Через несколько секунд в зале захлопали – без особого, правда, энтузиазма.

– Я не видел противоречия между жизнью гомеровских героев и жизнью моих любимых чероки, – не сдавался Хьюстон.

На лице греческого воина проступила боевая раскраска, его копье обросло перьями и стало похожим на индейский охотничий дротик.

Хьюстон заглянул в свои заметки:

– Вместе мы охотились на медведей, оленей и кабанов, вместе ловили рыбу в прозрачных струях и растили золотую кукурузу. У костра, под звездным небом, я рассказывал своим краснокожим братьям о нравственных уроках, какие мое юношеское сердце почерпнуло из слов Гомера. И потому они нарекли меня Вороном, в честь пернатого духа, которого они почитают мудрейшей из птиц.

Грек распался, вместо него на экране раскинул крылья величественный ворон с полосатым щитом на груди. Сибил его узнала. Это был американский орел, символ их разобщенного союза. Однако здесь белоголовый хищник янки превратился в черного ворона Хьюстона. Ловко придумано. Даже слишком ловко: два кубика в левом верхнем углу экрана заело на осях, и там остались синие пятнышки – погрешность мелкая, но раздражающая, как соринка в глазу. Кинотроп «Гаррика» еле справлялся с Миковыми изысками.

Отвлекись, Сибил потеряла нить повествования.

– ...Призывный клич боевой трубы в лагере волонтеров Теннесси.

Возник еще один кинопортрет: человек, очень похожий на Хьюстона, но с высокой копной волос и впалыми щеками, означенный как «ГЕН. ЭНДРЮ ДЖЕКСОН».

В зале послышалось шиканье, инициаторами которого были, скорее всего, солдаты; толпа зашевелилась. Некоторые британцы все еще поминали Гикори Джексона без особой приязни. По словам Хьюстона, Джексон храбро сражался против индейцев и даже был одно время пре-

зидентом Америки; но все это упоминалось мельком. В первую очередь он восхвалял Джексона как своего учителя и покровителя, «честного солдата, который ценил в людях их внутреннюю сущность, а не богатство и умение пускать пыль в глаза»; зал захлопал, но как-то уж очень жидко и неуверенно.

Теперь на экране возникла другая картина, нечто вроде примитивного пограничного форта. Хьюстон пустился в разглагольствования о какой-то осаде в самом начале своей военной карьеры, когда он участвовал в кампании под командованием Джексона против индейцев племени крик. Однако внимание естественной своей аудитории, солдат, он, похоже, потерял – трое ветеранов Крыма из одного с Сибил ряда продолжали поносить Гикори Джексона. «Эта проклятая война закончилась еще до Нового Орлеана...»

Зловещий кроваво-красный цвет внезапно залил экран – скрытый под сценой Мик поставил светофильтр. Пушки форта окутались клубами порохового дыма, пронеслись крошечные, в один элемент экранного изображения, пушечные ядра, все это сопровождалось глухим грохотом – теперь Мик молотил в литавры.

– Ночь за ночью до нас доносились жуткие, леденящие кровь боевые песни крикских фанатиков, – выкрикнул Хьюстон. Яркое освещение превратило его в огненный столп, будто подпиравший экран. – Нужно было идти на приступ, врукопашную, с клинками в руках! Говорили, что штурмовать эти ворота – значит идти на верную смерть... Но недаром я был теннессийским волонтером...

К крепости метнулась крохотная, в несколько черных квадратиков, фигурка, затем вся сцена потемнела; раздались удивленные аплодисменты. Галерка пронзительно свистела. Потом Хьюстона вновь окружил ореол друммондова света. Генерал принялся похвастаться своими ранами: две пули в руку, ножевой удар в ногу, стрела в живот – Хьюстон не произнес этого вульгарного слова, а лишь настойчиво потирал соответствующую область жилета; можно было подумать, что у него желудочные колики. Всю ночь он пролежал на поле битвы, а потом много дней его везли по бездорожью, на провиантной телеге, истекающего кровью, в бреду от болотной лихорадки...

Клеркообразный сосед Сибил сунул в рот очередной леденец и взглянул на карманные часы. Теперь, когда Хьюстон повествовал о своем долгом балансировании на грани смерти, в похоронной черноте экрана стала медленно проступать пятиконечная звезда. Один из заклиненных кубиков сумел наконец провернуться, но зато застрял другой, справа внизу.

Сибил с трудом подавила зевок.

Хьюстон начал рассказывать о том, как пришел в американскую политику, главным образом – дабы спасти от гонений своих любимых чероки; звезда разгоралась все ярче. При всей экзотичности антуража это был, по сути, тот же пустопорожний треп, какой можно услышать на любом предвыборном митинге; зал начинал проявлять нетерпение. Зрители охотнее послушали бы про войну или о жизни среди индейцев, Хьюстон же долдонил о том, как его выбирали в какой-то недоделанный парламент, о каких-то своих непонятных должностях в провинциальном правительстве, и все это время звезда росла и хитрым образом корежилась, превращаясь в герб штата Теннесси.

Веки Сибил тяжелели, опускались, а генерал продолжал вещать.

И вдруг тон Хьюстона изменился, стал сентиментальным; странным образом даже неприятная его манера растягивать слова казалась теперь нежной, почти чувственной. Речь пошла о женщине.

Сибил выпрямилась и наострила уши.

Хьюстон был избран губернатором, сколотил себе капитал и зажил припеваючи. Со временем он нашел себе подружку, какую-то теннессийскую барышню, а там и женился.

Но на киноэкране от краев к центру ядовитыми змеями сползались щупальца тьмы. Они угрожали теннессийскому гербу.

Едва Хьюстоны успели свить себе гнездышко, как новоиспеченная миссис Хьюстон взбрыкнула и сбежала домой, к мамочке. Она оставила письмо, сказал Хьюстон, письмо, содержащее ужасную тайну. Тайну, которую он никому и никогда не открывал и поклялся унести с собой в могилу.

– Личное дело, про такое не может и не должен говорить человек чести. Это было для меня страшным ударом...

На него ополчились газеты. И кто бы мог подумать, что у них там, в Теннесси, есть газеты?

– Клеветники и сплетники, – стонал генерал, – излили на меня яд своей ненависти. – На экране снова появился греческий щит с вороном, и в него полетели черные комки, судя по всему – грязь.

Откровения становились все более шокирующими. Генерал довел дело до конца, развелся с женой – событие ужасное, почти небывалое. Общественность, естественно, возмутилась и вышвырнула его с должности. Было странно, с какой это стати Хьюстон заговорил о столь безобразном скандале, неужели он надеется, что лондонские слушатели одобряют разведенного мужчину. И все же, как заметила Сибил, дамы слушали это горестное повествование с напряженным интересом – и не без симпатии. Даже толстая мамаша нервно обмахивала свой двойной подбородок веером.

А что, собственно, удивляться, ведь этот человек (иностранец, да к тому же, по собственному признанию, полудикий) говорил о своей жене с нежностью, как об истинной любви, загубленной какой-то жестокой и таинственной правдой. Его грохочущий голос срывался от наплыва чувств; он несколько раз промокнул лоб модным кружевным платочком, извлеченным из жилетного кармана. Жилет у него был меховой, леопардовый.

К тому же он недурен собой, подумала Сибил. За шестьдесят, почти старик, но такие даже лучше, они относятся к девушке с большим сочувствием. Его признания выглядели смело и мужественно, ведь это он сам вытащил наружу это давнее скандальное дело с разводом и с таинственным письмом миссис Хьюстон. Он говорил обо всем этом без остановки, но не выдавал тайны, все более разжигая интерес слушателей – Сибил и сама умирала от любопытства.

Ну вот, обругала она себя, развесила, дура, уши, а ведь дело-то все наверняка простое и глупое и вполнину не столь глубокое и загадочное, как он изображает. И барышня эта вряд ли была таким уж ангелочком, вполне возможно, что девичья ее добродетель была уже похищена каким-нибудь смазливый теннессийским бабником задолго до появления Ворона Хьюстона. Мужчины придумали для своих невест строгие правила, сами вот только никогда им не следуют.

А может, Хьюстон сам во всем и виноват. Может, у него были какие-нибудь дикие представления о семейной жизни, после всех-то этих лет с дикарями. Или, может быть, он лупцевал супругу чем ни попадя – легко себе представить, каким буяном может быть этот человек, когда выпьет лишнего.

На экране появились гарпии, символизировавшие клеветников Хьюстона, тех, кто замазал его драгоценную честь чернилами бульварной, помоечной прессы, – отвратительные горбатые существа, черные и красные; экран тихо жужжал, и они перебирали раздвоенными копытами. Сибил в жизни не видела ничего подобного; напился, наверное, этот манчестерский спец до зеленых чертиков, вот и стал изображать такие ужасы. Теперь Хьюстон рассуждал о вызовах и чести, то бишь о дуэлях; американцы – отъявленные дуэлянты, они прямо-таки влюблены в свои ружья-пистолеты и способны угробить друг друга не за понюх табаку. Он убил бы пару-другую подлых газетчиков, громогласно настаивал Хьюстон, не будь он губернатором и не будь это ниже его достоинства. Так что он оставил борьбу и вернулся к своим драгоценным чероки. На бравого генерала было жутко смотреть, настолько распалил он себя собственным красноречием. Аудитория тихо веселилась, обычная британская сдержанность не устояла перед выле-

зающими из орбит глазами и налитыми кровью жилами техасца. Веселье это, однако, опасно граничило с брезгливым отвращением.

А вдруг, думала Сибил, растирая в кроличьей муфте озябшие руки, он сделал что-нибудь ужасное? Вдруг он заразил жену стыдной болезнью? Некоторые виды этой болезни просто кошмарны: могут свести с ума, оставить слепым или калеккой. Возможно, в этом и заключается его тайна. Мик – вот кто должен знать. Мик наверняка знает.

Хьюстон тем временем объяснял, что он с отвращением оставил Соединенные Штаты и отправился в Техас; при этих его словах появилась карта, посреди континента расплылось большое пятно с надписью «ТЕХАС». Хьюстон заявил, что он отправился туда в поисках свободных земель для своих несчастных страдающих чероки, но все это было не слишком вразумительно.

Сибил спросила у соседа время. Прошло около часа. Кончалась первая треть речи. Скоро ее выход.

– Представьте себе страну, – говорил Хьюстон, – во много раз большую ваших родных островов. Страну, где нет настоящих дорог – только протоптанные индейцами тропы, где не было в те дни ни одного паровоза, ни одной мили рельсового пути, не говоря уж о телеграфе. Даже я, главнокомандующий национальных сил Техаса, не имел для передачи своих приказов средства более быстрого и надежного, чем верховые курьеры, чей путь преграждали команчи и каранкава, мексиканские патрули и бесчисленные опасности диких прерий. Стоит ли удивляться, что полковник Тревис получил мой приказ слишком поздно и трагичнейшим образом понадеялся на то, что с минуты на минуту подойдет отряд полковника Фаннина. Окруженный силами неприятеля, в пятьдесят раз превышающими его собственные, полковник Тревис провозгласил: «Победа или смерть», – прекрасно понимая, что исход сражения предreshен. Защитники Аламо пали все до последнего человека. Благородный Тревис, бесстрашный полковник Боуи и легендарный Дэвид Крокетт...

Господа Тревис, Боуи и Крокетт получили по трети киноэкрана; от такой тесноты их лица стали несколько квадратными.

– ...купили драгоценное время для моей фабианской стратегии!

И еще, и еще, и все – про войну. Теперь генерал сошел с трибуны и начал тыкать своей тростью в экран.

– Силы Лопеса де Санта-Аны располагались здесь – с лесом по левому их флангу и речными болотами Сан-Хасинто в тылу. Его саперы окружили обоз окопами и частоколом из заостренных бревен – все это обозначено здесь. Однако моя армия из шести сотен человек, преодолев втайне от неприятеля Бернемовский брод, заняла лесистую заболоченную низину Буффало. Атака началась коротким артобстрелом из техасского центра... Теперь мы видим передвижения техасской легкой кавалерии... Пехота смяла врага, мексиканцы в панике бежали, бросив артиллерию, которую они даже не успели поставить на лафеты.

Голубые квадраты и ромбы медленно наседали на прогибающиеся красные полосы мексиканских полков, преследуя их по бело-зеленой мешанине болот и лесов. Сибил поерзала на сиденье, пытаясь облегчить боль в натертых кринолином ягодицах. Кровожадная похвальба Хьюстона достигла апогея.

– Окончательный подсчет показал: погибли двое техасцев и шестьсот тридцать захватчиков. Трагедии Аламо и Голиада были отомщены кровью сантанистов! Две мексиканские армии были полностью разгромлены, мы захватили четырнадцать офицеров и двадцать пушек!

Четырнадцать офицеров и двадцать пушек – вот оно, пора.

– Отомстите за нас, генерал Хьюстон! – взвизгнула Сибил, но горло у нее перехватило от страха, и крик получился еле слышный. Она сделала еще один заход, заставила себя встать на ноги и взмахнуть рукой. – Отомстите за нас, генерал Хьюстон!

Хьюстон смолк в некотором замешательстве.

– Отомстите за *нашу* честь, сэр! – пронзительно кричала Сибил. – Отомстите за честь *Британии*!

В зале зашумели и зашевелились; Сибил чувствовала на себе взгляды, шокированные взгляды, какими награждают помешанных.

– Мой брат... – выкрикнула она, но от страха не сумела продолжить. Это было хуже, чем петь со сцены, много хуже.

Хьюстон поднял обе руки, полосатое одеяло широко распахнулось и стало похоже на тогу античного героя. Станным образом этот жест успокоил людей, снова переключил их внимание на генерала. Над его головой медленно остановился кинотроп, кубики повернулись раз, другой и замерли, оставив победу при Сан-Хасинто незавершенной.

– В чем дело, юная леди? Что вас тревожит? Скажите мне.

Суровый – и в то же время смиренный – взгляд Хьюстона горел желанием понять и помочь. Сибил схватилась за спинку переднего кресла, зажмурилась и пошла по заученному тексту:

– Сэр, мой брат – в техасской тюрьме! Мы – британцы, но техасцы бросили его в тюрьму, сэр! Они отняли ферму и скот! Они украли даже железную дорогу, на которой он работал. Британскую железную дорогу, построенную для Техаса... – Ее голос сорвался.

Мику это не понравится. Мик будет ругаться. Эта мысль встряхнула Сибил, влила в нее новые силы, заставила открыть глаза.

– Этот режим, сэр, воровской техасский режим... Они украли британскую железную дорогу! Они ограбили рабочих в Техасе и акционеров здесь, в Британии, никому ничего не заплатили.

С исчезновением яркой игры картинок кинотропа атмосфера в театре изменилась. Все обрело некую странную интимность, словно она и генерал оказались каким-то образом в одной рамке, две фигуры на посеребренном дагеротипе. Молодая лондонская женщина в шляпке и элегантной шали с красноречивым отчаянием взывает к старому чужеземному герою; два актера под удивленными взглядами безмолвной публики.

– Вы пострадали от хунты? – спросил Хьюстон.

– Да, сэр! – крикнула Сибил, в ее голосе появилась заученная дрожь. «Не пугай их, – учил Мик, – бей на жалость». – Да, это сделала хунта. Они швырнули моего брата в свою кошмарную тюрьму безо всякой вины, сэр. Мой несчастный брат попал в тюрьму только потому, что он был человеком Хьюстона! На выборах президента Техаса он голосовал за вас! Он проголосовал бы за вас и сегодня, но я очень боюсь, что они скоро его убьют!

– Как звать вашего брата, моя дорогая леди? – встревожился Хьюстон.

– Джонс, сэр, – торопливо крикнула Сибил. – Эдвин Джонс из Накогдочеса, он работал на железнодорожную компанию Хеджекокка.

– Кажется, я помню молодого Эдвина! – объявил Хьюстон, в голосе его звучало удивление. Он сжал трость и гневно нахмурился.

– Слушай, Сэм, слушай! – прогремел низкий голос.

Сибил встревоженно обернулась. Это был человек из «Аргайл румз» – толстый рыжий актер в бархатном жилете.

– Эти мошенники из хунты прибрали хеджекокковскую железную дорогу к своим грязным лапам! Хорошенькие дела, и это, считается, наши союзники! Так-то они отблагодарили Британию за столько лет и защиты, и помощи! – Пузатый актеришка сел.

– Они просто воры и бандиты! – резво продолжила Сибил. Она порылась в памяти, вспоминая роль. – Генерал Хьюстон! Я беззащитная женщина, но вы человек высокого полета, человек великих свершений! Неужели в Техасе невозможна справедливость? Неужели все эти злодеяния так и останутся неотомщенными? Неужели мой несчастный брат сгниет в этом кошмарном застенке, а жулики и тираны так и будут красть нашу британскую собственность?

Но цветистую риторику Мика заглушал нарастающий в зале шум. Сквозь общее одобрительное бормотание прорывались отдельные громкие выкрики; засевшие на галерке мальчишки радостно вопили.

Ну что ж, деньги плочены – надо развлекаться. Может быть, подумала Сибил, кто-то из них поверил в трогательную историю, проникся жалостью. Большинство же просто гогочет и упражняется в остроумии, радуясь неожиданному оживлению занудной лекции.

– Сэм Хьюстон всегда был верным другом Британии! – взвизгнула она в поднятые лица зрителей.

Бесполезные слова потерялись в шуме. Сибил прижала руку ко взмокшему лбу. Сочиненные Миком реплики кончились, так что она позволила своим дрожащим ногам подломиться и упала в кресло.

– Воздуху мисс Джонс! – встревоженно гроыхнул Хьюстон. – Леди дурно!

Сквозь полуприкрытые веки Сибил смотрела на расплывчатые фигуры обступивших ее людей. Темные фраки и шорох кринолина, тонкие духи, мужской запах табака; кто-то взял ее за руку и стал щупать пульс. Одна из женщин обмахивала Сибил веером, тихонько подкудактывая. Господи, брезгливо съежилась Сибил, да это же толстая мамаша из переднего ряда. С этим невыносимым масляным видом доброй женщины, исполняющей свой нравственный долг. Ее передернуло от стыда и отвращения. На какое-то мгновение она почувствовала неподдельную слабость, с покорной легкостью погружаясь в тепло их заботы; с полдюжины хлопотунов бормотали вокруг нее, притворяясь – или искренне считая? – будто что-то понимают в таких вещах. Хьюстон же тем временем гремел что-то со сцены, хрипло и возмущенно.

Она позволила поставить себя на ноги. Увидев это, Хьюстон замолк; зал негромко зааплодировал. Сибил чувствовала себя слабой, опустошенной. Она бледно улыбнулась и покачала головой, страстно желая сделаться невидимой.

– Сэр, помогите мне, пожалуйста, выйти, – прошептала она мужчине, щупавшему ей пульс.

– Я провожу леди домой, – сообщил окружающим невысокий человек с умными голубыми глазами и первыми признаками седины в разделенных на пробор волосах. Он накинул пелерину, надел цилиндр и галантно предложил даме чуть согнутую в локте руку. Сибил почти повисла на своем спасителе и вышла в проход, пряча глаза от окружающих. Теперь зрители были в полном восторге. Возможно, они только теперь начали воспринимать Хьюстона как человека, а не как некий диковинный экспонат.

Маленький джентльмен отвел перед Сибил замызганную бархатную портьеру, и они вышли в фойе, сырое, холодное помещение с грязными подтеками на искусственном мраморе стен и облезлыми купидонами.

– Вы очень любезны, сэр. Даже не знаю, что бы я делала без вашей великодушной помощи, – осторожно закинула удочку Сибил. Судя по виду, у этого человека могут быть деньги. – Вы, наверное, врач?

– Учился когда-то, – пожал плечами джентльмен; на его щеках пылали красные пятна.

– Это накладывает особый отпечаток, – сказала Сибил без какой-либо определенной цели, а просто чтобы не молчать. – Я имею в виду серьезное образование.

– Да нет, мадам. Ко мне это вряд ли относится. Я не столько изучал науки, сколько виршеплетствовал. Должен сказать, вы сейчас выглядите вполне оправившейся. Очень жаль, что вашего брата постигло такое несчастье.

– Благодарю вас, сэр. – Сибил искоса взглянула на несостоявшегося медика. – Боюсь, я вела себя несколько опрометчиво, но меня захватило красноречие генерала Хьюстона.

Он бросил на нее скептический взгляд – взгляд мужчины, подозревающего, что женщина водит его за нос.

– Честно говоря, я не разделяю вашего энтузиазма. – Джентльмен судорожно закашлялся в скомканный носовой платок, потом вытер им рот. – Этот лондонский воздух когда-нибудь меня прикончит.

– И тем не менее я благодарю вас, сэр. Жаль, конечно, что никто нас не познакомил...

– Китс, – представился джентльмен. – Мистер Китс. – Он вытащил из жилетного кармана серебряный хронометр, прибор размером с небольшую картофелину, и взглянул на один из многочисленных циферблатов. – Мне не очень знаком этот район, – неуверенно сказал он. – Я думал поймать для вас кабриолет, но в такой час...

– О нет, мистер Китс, благодарю вас, я прекрасно доеду подземкой.

Глаза джентльмена удивленно расширились. Ни одна респектабельная женщина не поедет подземкой без провожатого.

– Но вы так и не назвали мне свою профессию, мистер Китс, – сказала Сибил в надежде отвлечь его от своего грубого ляпа.

– Кинотропия, – ответил Китс. – Приемы, использованные в сегодняшнем шоу, крайне интересны. Притом что разрешение экрана более чем скромно, а скорость замены просто черепашня, удалось достичь воистину замечательных эффектов, надо думать – посредством алгоритмического сжатия... Боюсь, я утомляю вас техническими вопросами. – Он убрал хронометр. – Так вы решительно отказываетесь от моих услуг в поисках кеба? Вы хорошо знаете Лондон, мисс Джонс? Я мог бы сопроводить вас к ближайшей остановке омнибуса – это такой безрельсовый экипаж...

– Нет, сэр, благодарю вас. Вы были исключительно добры.

– Всегда к вашим услугам, – с плохо скрываемым облегчением сказал мистер Китс и придержал перед Сибил створку стеклянных дверей. В то же мгновение откуда-то сзади появился тощий мальчишка; он проскользнул мимо них и выскочил на улицу. На плечах мальчишки болтался длинный грязный брезентовый плащ, вроде рыбацкого. Странная одежда для лекции, подумала Сибил, хотя на бедных можно увидеть и не такое. Рукава дождевика свободно болтались, как будто мальчишка обнимал себя руками – может быть, от холода, – да и шел он как-то странно, согнувшись в три погибели, словно пьяный или больной.

– Эй! Молодой человек!

Мистер Китс извлек монету, и Сибил догадалась, что он хочет послать мальчишку за кебом. Мальчишка обернулся – влажный блеск испуганных глаз на бледной маске лица – и тут же рванул вперед, явно не настроенный выполнять какие бы то ни было поручения. Не успел он пробежать и нескольких шагов, как из-под грязного дождевика вывалился некий темный круглый предмет – вывалился, весело запрыгал по мостовой и завершил свой путь в сточной канаве. Мальчишка настороженно оглянулся на Сибил и мистера Китса.

– Да это же шляпа! – догадалась Сибил. – Цилиндр.

Мальчишка потрусил назад, по-прежнему не спуская с них глаз, подхватил цилиндр, сунул его за пазуху и растворился во тьме, хотя на этот раз не столь поспешно.

– Ну надо же, – с отвращением проговорил мистер Китс. – Да этот малец – вор! Его макинтош набит шляпами зрителей!

Сибил не нашлась что ответить.

– Надо думать, мошенник воспользовался суматохой, которую вы учинили. – В голосе Китса проскальзывало подозрение. – Жаль! В наше время никогда не знаешь, кому доверять.

– Сэр, по-моему, вычислитель уже разводит пары для кинотропа...

Мистер Китс нырнул в двери театра столь поспешно, что даже не попрощался с дамой.

* * *

«Вытяжная вентиляция, – писала „Дейли Телеграф“, – заметно улучшила воздух в метрополитене, однако лорд Бэббидж придерживается мнения, что современная подземная дорога должна работать исключительно на принципах пневматики, без сгорания какого бы то ни было топлива, подобно тому, как в Париже передается почта».

Сидя в вагоне второго класса и стараясь не дышать слишком глубоко, Сибил думала, что все это чистый треп, по крайней мере в том, что касается «улучшения», ну а насчет будущего – там дело другое, радикалы способны сотворить любые чудеса. Только разве не в их газетах печатались статьи продажных врачей, что, мол, сернистый дым полезен от астмы? Дым... а тут ведь не только паровые машины дымят, тут еще и зловоние сточных вод, просачивающихся в туннель, и утечки из резиновых баллонов, питающих эти вот, в стеклянных абажурах и проволочных сетках, газовые рожки, да чего тут только нет.

Странное это дело, подземка, если думать о ней, сидя в гроыхающем поезде, который несется сквозь тьму под Лондоном, где работяги наткнулись на свинцовые трубы римского водопровода, на монеты, и мозаики, и подземные ходы, и слоновьи бивни тысячелетней давности...

А проходка продолжалась – сегодня, как и во все прочие ночи, – потому что, стоя рядом с Миком на тротуаре Уайтчепела, она слышала пыхтение огромных машин. Экскаваторы работали беспрестанно, выкапывая новые, все более глубокие линии под лабиринтами канализационных и газовых труб, под изгнанными с поверхности вглубь земли, превращенными в улицы речками. Новые линии одеваются сталью, и скоро бездымные поезда лорда Бэббиджа заскользят по ним беззвучно, как угри, хотя в этом было что-то нечистое.

Резкий толчок потревожил подачу газа, и все лампы вагона вспыхнули разом; лица пассажиров вынырнули из полумрака: смуглый господин, чем-то похожий на удачливого трактирщика, круглощекий старый квакерский священник, пьяный денди в пальто нараспашку, канареечный жилет густо забрызган кларетом...

Женщин, кроме нее, в вагоне не было.

«Прощайте, милостивые господа! – мысленно воскликнула Сибил. – Оставайтесь в своем Лондоне». Отныне она авантюристка, присягнувшая на верность учителю, она на пути в Париж, пусть даже первый этап этого пути – будничное, за два пенни, возвращение в Уайтчепел...

Священник поднял голову, заметил Сибил и брезгливо скривился.

* * *

Холод стоял собачий, у Сибил зуб на зуб не попадал; по пути на улицу Флауэр-энд-Дин она успела сто раз пожалеть, что вышла из дома не в привычной теплой накидке, а в этой щегольской шали. В лужах газового света свежесфальтированная мостовая искрилась злым, колючим инеем.

Из месяца в месяц булыжник лондонских улиц исчезал под липкой черной массой, которая раскаленным вонючим потоком извергалась из утроб огромных фургонов; чумазные рабочие разравнивали ее граблями, затем приезжал паровой каток.

Мимо пронесся смельчак, в полной мере использующий преимущества новой шершавой поверхности. Парень полулежал в поскрипывающей раме четырехколесного велосипеда, ботинки его были привязаны к педалям, изо рта вырывались белые клубы пара. Он был с непокрытой головой, в защитных очках и в костюме из толстого полосатого джерси, за спиной трепетал длинный вязаный шарф. Изобретатель...

Лондон прямо кишел изобретателями; те, что победнее и побезумнее, сходились на площадях, чтобы, разложив чертежи и модели, изводить прохожих своей болтовней. За последнюю только неделю Сибил успела полюбоваться на зловещего вида приспособление для завивки волос электричеством, детский волчок, игравший Бетховена, и устройство для гальванического серебрения трупов.

Свернув с асфальта на булыжную мостовую Рентон-пасседж, она различила вдалеке вывеску «Оленя» и услышала дребезжание пианолы. Это миссис Уинтерхолтер устроила ей комнату над «Оленем». Сам по себе этот паб был местом вполне приличным, женщины в него не допускались. Приказчики и клерки, составлявшие основную массу посетителей «Оленя», стекались сюда ради новомодного развлечения – игровой машины.

Жилые комнаты располагались над трактиром, к ним вела крутая лестница, не освещенная ничем, кроме окна в крыше, покрытого толстым слоем копоти. Выходила лестница на площадку с парой совершенно одинаковых дверей; правая квартира сдавалась жильцам, левую мистер Кэрнз, домохозяин, оставил для себя.

Сибил вскарабкалась по ступеням, выудила из муфты коробок и щелкнула люцифер о стенку. Здесь, на площадке, Кэрнз держал свой двухколесный велосипед, приковав его цепью к железным перилам; в свете горящей спички ярко блеснул латунный висячий замок. Сибил потушила люцифер, надеясь, что у Хетти хватило ума не закрывать замок на защелку. Хватило – ключ гладко повернулся в замке.

Тоби чуть не сшиб хозяйку; он выписывал восьмерки, бесшумно ступая по некрашеным доскам пола, отирался о ее ноги то с одной, то с другой стороны и оглушительно мурлыкал.

Масляная лампа, стоявшая в прихожей на столике, едва горела, над ней вился широкий язык копоти. Нагар нужно снять, подумала Сибил. И зря это Хетти оставила горящую лампу в таком месте, вот прыгнул бы Тоби, и что тогда? Но все-таки как приятно приходит в освещенную квартиру. Она взяла кота на руки и почувствовала запах рыбы.

– Так, значит, Хетти тебя покормила?

Тоби тихонько мяукнул и тронул лапой ленту ее капора.

Свет лампы плясал на стенах. В прихожей не было окна, сюда никогда не проникало солнце, и все же цветы на обоях поблекли, почти сравнялись по цвету с пылью.

В комнате Сибил было целых два окна; к сожалению, они упирались в глухую, заросшую копотью кирпичную стену, упирались почти буквально: только заколоченные оконные рамы мешали потрогать стену рукой. И все же погожим днем, когда солнце стояло высоко, сюда проникало немного света. Комната Хетти попросторнее, зато окно там всего одно. Или спит уже Хетти, одна, безо всяких гостей, или дома ее нет – вон же, ни лучика света из-под двери.

Приятно было иметь собственную комнату, хоть какое-то уединение. Сибил опустила протестующего Тоби на пол и перенесла лампу в свою комнату. Там все было так, как она оставила перед уходом, хотя Хетти, похоже, заходила: на подушке лежал последний номер «Иллюстриated Лондон Ньюс». На передней полосе – гравюра, горящий город. Опять Крым. Сибил поставила лампу на потрескавшуюся мраморную крышку комода и задумалась, что делать дальше. Тоби вился вокруг ног, словно надеясь получить еще рыбы.

Тиканье большого жестяного будильника, казавшееся иногда невыносимым, теперь успокаивало; по крайней мере, часы идут, да и время на них вроде бы правильное, четверть двенадцатого. Сибил подзавела будильник – просто так, на всякий случай. Мик придет в полночь, а предстоит еще многое решить, он посоветовал не брать с собой слишком много вещей.

Она достала из комода щипцы для нагара, сняла с лампы стекло и привела фитиль в порядок. Свет стал лучше. В комнате было очень холодно; Сибил сменила шаль на старую теплую накидку, откинула крышку черного жестяного сундучка и взялась перебирать свои богатства. Две смены белья, а что еще? Чем меньше возьмешь с собой, тем больше вещей купит ей в Париже Денди Мик, так, и только так, должна рассуждать начинающая авантюристка!

Но были в сундучке и некоторые самые любимые вещи, расставаться с которыми просто сил не было; одна за другой все они отправились туда же, куда и белье, – в гобеленовый сак-вояж с разошедшимся швом («Ну сколько раз я себе говорила: почини, почини!»). Хорошенький флакончик розовой портлендской воды, наполовину полный, брошка с зелеными стразами (подарок мистера Кингсли), набор щеток для волос с ручками под черное дерево, миниатюрный пресс для цветов с видом Кенсингтонского дворца, немецкие щипцы для завивки, прихваченные как-то в парикмахерской. Чуть подумав, она добавила к ним зубную щетку с костяной ручкой и жестяную коробочку камфорированного зубного порошка.

Покончив со сборами, Сибил взяла крохотный посеребренный выдвижной карандашик, подарок мистера Чедвика, и присела на край кровати, чтобы написать записку Хетти. На карандаше была гравировка: «Корпорация столичной железной дороги»; из-под вытертого серебра начинала проглядывать латунь. Писать пришлось на рекламке растворимого шоколада, другой бумаги в комнате не было.

«Моя дорогая Харриет, – начала Сибил, – я уезжаю в Париж...»

Тут она помедлила, сняла колпачок карандаша, прикрывавший резинку, и стерла два последних слова.

«...уезжаю с одним джентльменом. Не тревожься. Со мной все в порядке. Бери из моей одежды все, что хочешь. Позаботься, пожалуйста, о Тоби, корми его рыбой. Искренне твоя, Сибил».

С каждым написанным словом Сибил чувствовала себя все тревожнее, а затем она посмотрела на Тоби и чуть не заплакала: «Предательница я, самая настоящая предательница». Следом за мыслью о собственном предательстве неожиданно пришла полная уверенность в предательстве Мика.

– Нет, он *придет*, – яростно прошептала Сибил; поставив лампу на узкую каминную полку, она придавила ею сложенную вдвое записку.

На каминной полке лежала плоская яркая жестянка с названием дорогой табачной лавки на Стрэнде. Сибил знала, что там турецкие сигареты. «Попробуй, вот увидишь, тебе понравится», – убеждал ее в прошлом месяце один из молодых джентльменов Хетти, студент-медик. Вообще-то, Сибил сторонилась медиков – изучают всякие гадости да еще этим гордятся, – но сейчас, в сильном нервном возбуждении, она открыла коробочку, вытащила хрусткий бумажный цилиндр и вдохнула резкий пряный запах.

Мистер Стэнли, хорошо известный среди модной публики адвокат, беспрестанно курил сигареты. Во времена их с Сибил знакомства Стэнли часто говаривал, что сигарета для игрока – первое дело, нервы укрепляет.

Сибил вставила сигарету меж губ, в точности как это делал Стэнли, и чиркнула люцифер, не забыв, что нужно переждать, пока сгорит шарик серы на конце, и уж только потом поднести палочку к сигарете. Она опасливо затянулась, получила в награду порцию едкого, отвратительного дыма и судорожно закашлялась. «Да выбросить нужно эту гадость», – думала Сибил, вытирая брызнувшие из глаз слезы. Но упрямство оказалось сильнее: она встала перед камином, время от времени затягиваясь сигаретой и сбрасывая хрупкий бледный пепел на угли, точно так же, как это делал Стэнли.

Нет, решила Сибил через пару минут, долго я такого не вынесу, да и где же, кстати, обещанный эффект? И тут ей стало совсем плохо, к горлу подступила тошнота, руки стали ледяными. Задыхаясь от кашля, она уронила сигарету на угли; та вспыхнула ярким пламенем и мгновенно рассыпалась в пепел.

Будильник тикал, тикал и тикал...

Биг-Бен прозвонил полночь.

Где же Мик?

* * *

Сибил проснулась в темноте, исполненная безликого, безымянного страха. Потом она вспомнила о Мике. Масло в лампе кончилось. Камин потух. С трудом поднявшись на ноги, она нащупала коробок люциферов; жестяное тиканье будильника привело ее к комоду.

Освещенный серной спичкой циферблат качнулся и поплыл куда-то в сторону.

Половина второго.

Может, он приходил, пока она спала, постучал, не достучался и ушел? Нет, только не Мик, уж он-то что-нибудь придумал бы, не ушел бы так просто, не проверив, дома она или нет. Так, значит, он попросту ее кинул, кинул как дуру последнюю – а кто же она еще, если не дура? Развесила уши, размечталась – Париж, Париж, поедem в Париж!

Ее охватило странное спокойствие, все приобрело безжалостную, как в свете калильной горелки, отчетливость. Перед глазами встали маленькие цифры в углу билета – дата и время отправления паромом. Мик отплывает из Дувра завтра вечером, так что спешить ему особенно некуда. Лекция кончается поздно, трудно поверить, что они с генералом Хьюстоном сорвутся с места глухой ночью – безо всякой к тому необходимости. Нужно идти в «Гранд», найти там Мика и поговорить с ним напрямую. Просить, угрожать скандалом, разоблачениями – да все, что угодно.

Деньги лежат в муфте. В Майнориз возле Гудменс-Ярда есть стоянка кебов – туда-то и нужно идти. Разбудить кебмена и ехать на Пикадилли.

Как только дверь за Сибил закрылась, из опустевшей квартиры донеслось жалобное мяуканье. Притаившийся в темноте велосипед больно ободрал ей лодыжку.

На полпути к Гудменс-Ярду она вспомнила о забытом саквояже, но возвращаться не стала.

* * *

Сибил отпустила кеб за квартал от «Гранда» – не было ни малейшей надежды, что ночной швейцар, мрачный тяжеловес с ледяными глазами, длинными, до подбородка, бакенбардами и негнушейся ногой, встретит ее с распростертыми объятиями. Она заметила его издалека – здоровенный, весь в галунах громила околачивается на мраморных ступеньках парадного входа под затейливыми, с коваными дельфинчиками фонарями. Сибил знала швейцаров как облупленных – они играли в ее жизни весьма заметную роль.

Одно дело – войти в «Гранд» днем, под руку с Денди Миком. А вот нагло заявиться туда ночью, без провожатого – это уже совсем другое. Так поступают одни только шлюхи, а шлюху швейцар не пропустит ни под каким видом. Надо что-то придумать, историю какую-нибудь. Может, что и получится, если вранье будет звучать достаточно убедительно, а этот тип или глуп, или беспечен, или носом клюет, потерял бдительность. Или подкупить его, только вот денег после кеба осталось всего ничего. Еще слава богу, что одежда вполне пристойная – в ярких, как у потаскухи какой-нибудь, тряпках и надеяться было бы не на что. А может, отвлечь его как-нибудь? Рассадить окно булыжником и проскочить, пока он там выясняет, что и почему. В кринолине не больно-то побегаешь, так ведь и он не самый главный спортсмен, с калечной-то ногой. А чтобы бегать поменьше, найти какого-нибудь оборванца, заплатить, и пусть он бьет окна, а самой притаиться рядом со входом...

Сибил стояла в тени у высокого ограждения строительной площадки, увешанного огромными, с простыню, рекламными плакатами. «ДЕЙЛИ НЬЮС» РАСХОДИТСЯ ПО ВСЕМУ МИРУ, сообщали отсутствующим в такое время суток прохожим яркие, несколько пострадавшие от дождя буквы. «ЛЛОЙД НЬЮС» – ВСЕГО ЗА ОДИН ПЕННИ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА, РЕМСГЕЙТ и МАРГЕЙТ, 7/6. Вынув руку из муфты, Сибил принялась грызть пропахший турецким табаком ноготь и лишь немного удивилась, что пальцы ее посинели от холода и отчаянно дрожат.

Спасла ее чистая удача, а может, на небесах кто-нибудь сжалился, – из-за угла донеслось громкое «чух-чух-чух», и к «Гранду» подкатил сверкающий паровой экипаж. Одетый в ярко-синюю ливрею машинист прыгнул на мостовую и опустил складную подножку. На улицу вывалилась шумная толпа пьяных французов в подбитых алым плащах, парчовых жилетах и с вечерними тросточками, украшенными кистями, двое из них – с подружками.

Сибил подобрала юбки и бросилась вперед. Словно пехотинец, умело использующий рельеф местности, она пересекла улицу под прикрытием сверкающего лаком экипажа, затем обогнула высокие, с деревянными спицами и резиновыми шинами колеса и смело присоединилась к компании. Французы парлевукали друг с другом, поглаживали усы и гоготали; Сибил они даже не заметили, а может, заметили, но только им было до фонаря, кто там к ним присоединился и зачем. Сибил благочинно улыбалась всем и никому в частности, стараясь держаться поближе к длинному, в драбадан пьяному парню. Гуляки, пошатываясь, взобрались по мраморным ступеням, а длинный с беспечной легкостью человека, не знающего цену деньгам, сунул в руку швейцара фунтовую банкноту. Тот ошалело сморгнул и почтительно тронул рукой раззолоченную фуражку.

Все прошло без сучка без задоринки. Вместе с не умолкающими ни на секунду французами Сибил пересекла пустыню полированного мрамора до конторки портье, где они разобрали ключи и, зевая и ухмыляясь, побрели вверх по плавно изгибающейся лестнице, оставив Сибил у конторки одну.

Ночной портье, понимавший по-французски, похохатывал над какой-то случайно услышанной фразой. Отсмеявшись, он скользнул вдоль сверкающей, красного дерева конторки.

– Чем могу служить, мадам? – На этот раз улыбка предназначалась лично Сибил.

– Не могли бы вы сказать мне, мистер Майкл... – Слова давались с трудом, она почти заикалась. – Или, скорее... генерал Сэм Хьюстон еще проживает у вас?

– Да, мадам. Я сам видел генерала Хьюстона в начале вечера. Но сейчас он в курительной комнате... Может быть, вы оставите для него сообщение?

– В курительной?

– Точно так, мадам. Это вон там, за акантом. – Портье кивнул в сторону массивной, украшенной растительным орнаментом двери в углу вестибюля. – Разумеется, дамы не ходят в курительную... Прошу прощения, мадам, я вижу, что вы несколько расстроены. Если дело важное, я могу послать к нему рассыльного.

– Да, пожалуйста, – кивнула Сибил. – Это было бы чудесно.

Портье услужливо предложил лист роскошной кремовой бумаги с эмблемой отеля и собственную, с золотым пером самописку.

Поспешно набросав несколько строк, Сибил сложила записку и накорябала на обороте: «Мистеру Майклу Рэдли». Портье звякнул колокольчиком, поклонился в ответ на ее благодарности и вернулся к своим делам.

Через минуту унылый, судорожно зевающий мальчишка водрузил записку на выложенный пробкой поднос и потащился нога за ногу к резной двери.

– Это для личного секретаря генерала, – догнала его Сибил.

– Не бойтесь, мисс, я его знаю. – Одной рукой он потянул дверь курительной.

Пока дверь за рассыльным медленно закрывалась, Сибил успела разглядеть багровое, лоснящееся от пота, совершенно пьяное лицо Хьюстона и его ногу, бесцеремонно закинутую на стол; подошва тяжелого ботинка находилась в опасной близости от хрустального графина. Генерал сосредоточенно сосал трубку и что-то рубил большим складным ножом... нет, строгал – пол вокруг кожаного кресла был усыпан стружкой.

Высокий бородатый англичанин, сидевший напротив Хьюстона, что-то негромко говорил. Правой рукой он разминал нераскуренную сигару, левая покоилась в белой шелковой перевязи; вид у незнакомца был печальный, благородный и очень значительный. Стоявший рядом с ним Мик был занят извлечением огня; чуть сложившись в талии, он чиркал по стальному огниву, прикрепленному к концу резиновой газовой трубки... и тут дверь захлопнулась.

Сибил присела в шезлонг; в гулком мраморном вестибюле было тепло, облепленные грязью туфли немного подсохли, онемевшие пальцы ног согрелись и мучительно ныли. Наконец тяжелая дверь распахнулась, первым из курительной вышел сомнамбулический рассыльный, следом за ним – широко улыбающийся Мик. На пороге Мик обернулся и взмахнул рукой, словно говоря кому-то: «Подождите немного, я сейчас, ненадолго». При виде Сибил его узкое лицо помрачнело.

Он быстро пересек вестибюль и схватил вскочившую на ноги Сибил за локоть:

– В бога душу! – Великий авантюрист говорил тихо, почти шепотом. – Что это еще за новости? Ты что, совсем сдурела?

– Но почему? – взмолилась Сибил. – Почему ты не пришел за мной?

– Непредвиденные осложнения. Тот самый случай, когда собака кусает собственный хвост. Было бы смешно – не будь все так паскудно. Но раз ты здесь, все может повернуться иначе...

– Но что случилось? И что это за однорукий клиент?

– Британский трижды сучий дипломат, который, видите ли, не одобряет планы генерала собрать армию в Мексике. Да ты не бери в голову. Пусть о нем думают те, кто остается в Лондоне, а мы завтра уже будем во Франции. Хотелось бы надеяться, вот только генерал... Надрался в стельку и опять за старое. В пьяном виде этот тип – настоящее, прости господи, говно. Друзей забывает.

– Так он что, – догадалась Сибил, – надул тебя? Хочет от тебя отделаться?

– Он спер мои кинокарты, – бросил Мик.

– Но я же отправила их в Париж, пост-рестант, – удивилась Сибил. – Все, как ты велел.

– Да я не про те. Кинокарты к речи!

– Твои театральные карты? И он их украл?

– Он знал, что мне нужно будет упаковать их вместе с другими вещами, чтобы везти во Францию, разве ты не понимаешь? Подсматривал, наверное, а потом взял да спер их из моего багажа. Говорит, что я ему больше не нужен, что он наймет какого-нибудь лягушатника и тот будет гонять ему кино по дешевке. Так прямо и говорит.

– Но это же воровство!

– Он предпочитает термин «заимствование». Говорит, что *снимет копию* и тут же отдаст мне колоду обратно. И что я вроде как ничего не теряю, представляешь?

Сибил была ошарашена. Может, он шутит?

– Но ведь это все равно воровство!

– А вот ты объясни это Сэмюэлю, мать его, Хьюстону! Он тут как-то спер целую страну – обобрал до нитки, подчистую!

– Но ты же – его человек! Ты не позволишь, чтобы он тебя обокрал!

– Ну, если уж на то пошло, – оборвал ее Мик, – ты могла бы поинтересоваться, на что я заказывал эту хитрую французскую программу. Ведь я, так сказать, позаимствовал на это деньги генерала. – Он хищно оскалился. – Первый, думаешь, раз мы друг другу такие сюрпризы устраиваем? Это ж вроде проверки на прочность. Нашему драгоценному генералу палец в рот не клади; чтобы иметь с ним дело, нужно быть ой каким шустрым...

– Господи милосердный, – выдохнула Сибил, падая в шезлонг. – Мик, если б ты знал, чего я только не передумала...

– Так возьми себя в руки. – Мик выдернул ее из шезлонга. – Мне нужны эти карты, а они у него в комнате. Ты их отыщешь и заберешь, а я вернусь сейчас к ним, как ни в чем не бывало. – Он рассмеялся. – Сам же и виноват, организовал эту комедию на лекции, иначе он десять раз бы подумал, прежде чем выкинуть такой финт. А так послушал старый прохвост вас с Корни Симпсом, и взбрело в его тупую башку, что он и вправду здесь что-то значит и может крутить всеми как хочет и поплевывать. Ничего, мы с тобой его сделаем, еще как сделаем, он у нас волком выть будет...

– Мик, мне страшно, – сказала Сибил. – Я не умею воровать!

– Умеешь, умеешь, все ты прекрасно умеешь.

– А давай ты тоже пойдешь со мной и поможешь.

– Ни в коем случае! Он тогда сразу обо всем догадается. Я сказал им, что это один мой приятель из газеты. Если я задержусь тут слишком долго, он нюхом почует, что тут что-то не так.

– Ладно, – уступила Сибил. – Дай мне ключ от его комнаты.

– Ключ? Нет у меня никаких ключей!

– Ну тогда и говорить не о чем, – облегченно вздохнула Сибил. – Ведь я же все-таки не взломщица.

– Тише ты, не ори на всю гостиницу, – яростно прошипел Мик.

Да он же пьяный, сообразила Сибил. Она никогда еще не видела Мика по-настоящему пьяным, сейчас же он был под крупным, очень крупным градусом. Это не сказывалось ни на голосе, ни на походке, однако придавало ему наглую, безумную смелость.

– Я достану тебе ключ. Подойди к конторке, поговори с этим типом. Займи его чем-нибудь. Только на меня не смотри. – Он подтолкнул ее в спину. – Действуй!

Охваченная ужасом, Сибил подошла к конторке. В дальнем ее конце стоял телеграфный аппарат, мерно тикающий латунный механизм на низкой мраморной подставке, украшенной гирляндами позолоченных виноградных листьев. Блестящая стрелка, вертящаяся под невысоким стеклянным колпаком, указывала то на одну, то на другую букву расположенного по кругу алфавита. С каждым ее подрагиванием в мраморном основании что-то методично щелкало, и устройство выпускало новые четверть дюйма аккуратно перфорированной желтой бумажной ленты. Портье, пробивавший дыроколом стопку бумаг, оставил свое занятие, нацепил на нос пенсне и направился в ее сторону.

– Да, мадам?

– Мне нужно послать телеграмму. Это довольно срочно.

Портье без спешки, но быстро изготовил к работе откидной латунный перфоратор, пододвинул к себе маленькую коробочку с перфокартами и разлинованный телеграфный бланк. Затем он извлек самописку, ту самую, которой пользовалась недавно Сибил.

– Слушаю вас, мадам. Гражданский индекс?

– О... Чей индекс, мой или его?

– Это зависит от ваших намерений, мадам. Вы планируете платить через национальный кредит?

– А можно выписать счет на мою комнату? – увильнула от прямого ответа Сибил.

– Разумеется, мадам. Номер комнаты?

Сибил замялась:

– Пожалуй, я лучше заплачу наличными.

– Очень хорошо. Гражданский индекс адресата?

– Боюсь, я его не знаю. – Сибил нервно прикусила костяшку пальца.

– Но ведь вы *знаете* имя и адрес? – терпеливо спросил портье.

– О да, – обрадовалась Сибил. – Мистеру Чарльзу Эгремонту, Ч. П., «Буки», Белгрейвия, Лондон.

Клерк не торопясь вывел на бланке адрес.

– Посылать телеграмму по одному адресу, без индекса, заметно дороже, мадам. Вам есть прямой смысл направить ее через Центральное статистическое бюро.

Сибил не смотрела на Мика. Не позволяла себе смотреть. Теперь же углом глаза она увидела, как через вестибюль мелькнула темная фигура. Мик бежал, согнувшись чуть ли не вдвое, ботинки он снял, связал шнурками и повесил на шею. Добежав до высокой, по пояс, конторки, он схватился за нее обеими руками, взметнулся в воздух и исчез.

И все это – без единого звука.

– Это связано с тем, как машина обрабатывает сообщения, – объяснял портье.

– Понятно, – кивнула Сибил. – Но индекса у меня нет, так что придется заплатить побольше. Это очень важно.

– Да, мадам. Нисколько не сомневаюсь. Продолжайте, пожалуйста, я запишу все под вашу диктовку.

– Думаю, мне не обязательно указывать свой адрес и сегодняшнюю дату? Я хочу сказать, телеграмма – это ведь не письмо, не так ли?

– Да, мадам.

– Или повторять в тексте его адрес?

– Краткость – суть телеграфии, мадам.

А Мик пробирается сейчас к доске с ключами. Сибил ничего не видела, однако ей казалось, что она слышит шорох его движений, почти что чувствует его запах, и портье стоит только взглянуть вправо, чтобы обнаружить, что к нему подползает полубезумный, скорчившийся, как обезьяна, вор.

– Запишите, пожалуйста, следующее... – Сибил на секунду смолкла. – Дорогой Чарльз. – Портье прилежно записывал. – Девять лет назад вы подвергли меня худшему бесчестью, какое только может выпасть женщине.

Портье в ужасе уставился на свою ручку; из-под тугого крахмального воротничка поползла к щекам красная краска.

– Вы обещали спасти моего несчастного отца, а вместо того развратили меня душой и телом. Сегодня я покидаю Лондон в обществе влиятельных друзей. Им прекрасно известно, как вы предали Уолтера Джерарда и меня. Не пытайтесь отыскать меня, Чарльз. Это будет бесполезно. Я всем сердцем надеюсь, что вы и миссис Эгрмонт уснете сегодня спокойно. – Сибил передернуло. – И подпись: Сибил Джерард.

– Да, мадам, – выдавил клерк.

А Мик снова перепрыгнул конторку, низко присел за ней, прячась от глаз портье, и заковылял прочь, как огромная, карикатурная утка. Мгновение спустя он скрылся за парой пухлых кресел.

– Сколько я вам должна? – вежливо осведомилась Сибил.

– Два шиллинга шесть пенсов. – Портье заикался и не смел поднять глаза.

Она вынула из муфты кошелек, отсчитала деньги и отошла, оставив красного, как рак, портье пробивать телеграфные карточки.

Мик лениво, словно в задумчивости, пересек вестибюль и остановился возле газетной стойки. Тут он наклонился и сделал вид, что завязывает шнурки; в руке его блеснуло что-то металлическое. Не потрудившись даже поймать взгляд Сибил, Мик засунул ключ за бархатную подушку шезлонга, выпрямился, поправил галстук, смахнул с рукава невидимую соринку и прошел в курительную.

Сибил подошла к шезлонгу, присела, делая вид, что просматривает толстый, с раззолоченным корешком том ежемесячника «Доклады Королевского общества», и осторожно, кончиками пальцев, поискала за спиной ключ. Вот он, с номером 24 на медном овале головки.

Устало – и по возможности благопристойно – зевнув, она встала и направилась по лестнице вверх – леди, заскучавшая над чрезмерно унылым журналом, удаляется к себе в номер.

Ноги у нее отчаянно ныли.

По пути к номеру Хьюстона в пустом, ярко освещенном коридоре Сибил изумилась своей нечаянной смелости, почти жалея об отправленной телеграмме. Нуждаясь в каком-нибудь драматичном послании, чтобы отвлечь портье, она вспомнила Чарльза Эгремонта и выплеснула наружу вскипевшую неожиданно ярость. Странно, даже неприятно – ведь она считала, что давно выбросила этого человека из головы.

Легко представить себе страх на лице Эгремонта, когда тот будет читать телеграмму. Она слишком хорошо помнила это пустое напыщенное лицо, лицо благодное, которое всегда извинялось, всегда поучало, и хныкало, и кланчило, и плакало – и делало гадости. Дурак, тупой, беспросветный дурак.

Он-то дурак, а кто такая *ты*? Раскисла, поддалась на уговоры Мика и вот теперь крадешься по коридору – очень правильное слово, именно *крадешься*, чтобы не щипцы какие-то там со столика в парикмахерской взять, а совершить самую настоящую *кражу*. Будь у тебя хоть на грош ума, вышла бы ты сейчас из этой гостиницы, затерялась в Лондоне и навсегда забыла бы про Мика, пусть ищет. Да и не стал бы он тебя искать. Клятва? А что клятва! Ну нарушила бы ты ее, добавила бы еще один грех к списку прочих, ничуть не меньших. Ну почему, почему ты здесь, почему ты позволяешь, чтобы он крутил тобой как хочет?

Она остановилась перед нужной дверью, оглядела пустынный коридор, повертела в пальцах украденный ключ. Почему она это делает? Потому что Мик сильный, а она слабая? Потому что ему известны тайны, неизвестные ей? Только сейчас у Сибил появилось подозрение, что она влюбилась. Может быть, она действительно испытывает к Мику нечто вроде любви, а если да, то это многое объясняет, можно успокоиться и не изводить себя. Если это любовь, она вправе сжечь за собой все мосты, парить в небесах, жить, повинаясь сердцу, а не уму. И если она любит Рэдли, у нее есть наконец что-то, что она знает, а он нет. Тайна, принадлежащая ей, только ей.

Сибил опасливо оглянулась, вставила ключ в скважину и повернула. Проскользнув внутрь, она тихо прикрыла дверь и привалилась к ней спиной. Света в номере не было.

В воздухе явно ощущался запах гари – верное свидетельство, что где-то здесь стоит масляная лампа. Прямо напротив двери проступали контуры квадратного окна, из узкой щелки между неплотно сдвинутыми шторами сочился тусклый газовый свет. Сибил вытянула перед собой руки, оторвалась от двери и осторожно пошла по комнате; через несколько шагов она наткнулась на что-то громоздкое (бюро, как выяснилось позднее) и тут же заметила слабый отблеск света на ламповом стекле. Осторожно, чтобы ничего не уронить, она взяла лампу, встряхнула ее и услышала негромкое бульканье. Заправлена, так что теперь дело за люцифером.

Сибил ощупала бюро, немного удивилась, что все ящики выдвинуты, и начала их обшаривать. Бумага, канцелярские принадлежности. Ничего полезного. И сильно пахнет чернилами – пролили их тут, что ли?

Коробку люциферов она узнала не столько на ощупь, сколько по характерному погромыхиванию. Пальцы почти не слушались. Первый люцифер затрещал и с шипением погас, заполнив комнату гнусным запахом серы. Второй осветил лампу.левой, отчаянно дрожавшей рукой она подняла стекло и поднесла пламя к черной полоске фитиля.

Из трюмо на Сибил широко раскрытыми от страха глазами уставилось ее собственное, освещенное лампой отражение, потом оно повторилось в зеркальных дверцах шкафа. На полу и на кровати беспорядочно валялись груды одежды, и словно огромный, окутанный тенью ворон...

На подлокотнике кресла сидел человек – с длинным, зловещего вида ножом в руке.

Скрипнула кожа, человек медленно поднялся – как большая деревянная кукла, годами пылившаяся на чердаке. Он был закутан в длинный темно-серый плащ. Нижнюю часть его лица скрывал черный платок.

– Только без шума, мисс. – Страшный человек чуть приподнял свой тяжелый, вроде тех, какими мясники рубят мясо, клинок. – Сэм идет?

Сибил наконец обрела голос:

– Только не убивайте меня! Пожалуйста!

– Ну надо же, этот старый козел все никак не уймется. – Тягучий тexasский говорок цедил слова, как вязкую патоку, Сибил едва их разбирала. – Ты его подружка?

– Нет! – еле выдавила Сибил. – Нет, клянусь вам, нет! Я... я собиралась его обокрасть, честное слово!

Человек с ножом зловеще молчал.

– Да ты посмотри, – процедил он наконец, – что тут делается.

Сибил в страхе оглянулась. Кто-то неленивый перевернул весь номер вверх дном.

– Здесь нечего красть, – сказал незнакомец. – Ты знаешь, где он?

– Внизу, – голос Сибил срывался. – Он пьяный! Но я его не знаю, честное слово! Меня послал сюда мой любовник, вот и все! Я не хотела, он меня заставил!

– Стихни, – прервал ее излияния незнакомец. – Я не стану без нужды обижать белую женщину. Потуши лампу.

– Отпустите меня, – взмолилась Сибил. – Я уйду и никому ничего не скажу! Я... я не хотела сделать ничего плохого!

– Плохого? – В тягучем голосе – зловещая, не оставляющая надежды уверенность. – Плохо будет только Хьюстону, но это воздаяние по заслугам.

– Я не брала карты! Я даже их не трогала!

– Карты? – Он рассмеялся – сухой, из горла идущий звук.

– Эти карты, они не его. Он сам их украл!

– Хьюстон много чего украл, – сказал незнакомец; было заметно, что он озадачен, не знает, что делать со свалившейся ему на голову девицей. – Как тебя звать?

– Сибил Джонс. – Онахватила поток воздуха. – Я – британская подданная.

– Ну надо же, – прищелкнул языком незнакомец.

Его лица не было видно. По верхнему краю дочерна загорелого лба тянулась полоска бледной кожи, усеянная бисеринками пота. След от шляпы, догадалась Сибил. Широкополой шляпы, защищающей от тexasского солнца. Техасец шагнул вперед, забрал у нее лампу и прикрутил фитиль. Его пальцы были сухими и жесткими, как дерево.

В темноте, наполнившей номер, Сибил слышала отчаянный стук своего сердца и с ужасом ощущала присутствие этого человека.

Тишина становилась невыносимой.

– Вам, наверное, очень одиноко здесь, в Лондоне? – попытала удачу Сибил.

– Может, Хьюстону и одиноко. У меня совесть почище. – Голос тexasца звучал резко, неприязненно. – Ты хоть раз его спрашивала, одиноко ли ему?

– Да я его даже не знаю, – настаивала Сибил.

– Ты – здесь. Женщина, которая пришла в его номер одна.

– Я пришла за кинокартами. Это такие картонки с дырочками. Вот и все, честное слово! Никакого ответа.

– Вы знаете, что такое кинотроп?

– Хрень какая-то железная, – устало отозвался тexasец.

Снова молчание.

– Не ври мне. Ты – шлюха и ничего больше. Ты не первая шлюха, какую я вижу, и... – Он зашелся мокрым, болезненным кашлем. – Но с виду ты вроде и ничего. – В темноте, когда

не видно ножа и маски, этот человек не казался таким уж страшным. – В Техасе ты могла бы выйти замуж. Начать все сначала.

– Вот бы здорово было, – вздохнула Сибил.

– У нас там мало белых женщин, на всех не хватает. Нашла бы себе приличного мужика, а не какого-то там сутенера. – Он отхаркнулся на пол. – Ненавижу сутенеров. – Слова падали холодно и ровно, безо всякого выражения. – Ненавижу, как ненавижу индейцев! Или мексиканцев. Мексиканских индейцев... Французско-мексиканские индейцы, три сотни вооруженных ублюдков, а то и четыре. На лошадях, добыли где-то заводные винтовки, сущие дьяволы.

– Но техасцы ведь герои, – рискнула вставить Сибил, отчаянно пытаясь вспомнить название из лекции Хьюстона. – Я слышала о... об Аламо.

– Голиад. – Голос упал до сухого шепота. – Я был в Голиаде.

– Про это я тоже слышала, – поспешила сказать Сибил. – Вы покрыли себя неувядающей славой.

Техасец откашлялся и снова сплюнул.

– Мы сопротивлялись два дня. Не было воды. Полковник Фаннин сдался. Нас взяли в плен, все было мило и вежливо. А назавтра вывели за город и хладнокровно расстреляли, всех. Выстроили в шеренгу и начали. Это была бойня, настоящая бойня.

Сибил молчала.

– Бойня в Аламо. А трупы они сожгли... Расстреляли отряд Мейера. Заставили их тянуть бобы. Маленький глиняный горшочек, тянешь жребий, вытащишь черный боб, и они тебя убивают. Вот что такое мексиканцы.

– Мексиканцы, – повторила она.

– Команчи еще хуже.

Откуда-то из ночи донесся визг тормозов, а затем глухое ритмичное постукивание.

Черные бобы. Голиад. У нее кружилась голова. Бобы, и расстрелы, и этот человек с продубленной солнцем и ветром кожей. От него пахло, как от поденщика, – лошадыми и потом. Как-то на Нил-стрит она заплатила два пенни, чтобы посмотреть диораму какой-то огромной американской пустыни, ужас искореженного камня. Слушая техасца, который, судя по его виду, родился и вырос именно в такой пугающей обстановке, Сибил вдруг осознала, что первобытные просторы из речи Хьюстона, все эти дикие дебри с их невероятными названиями и в самом деле реальны, что там действительно живут люди. Мик говорил, что Хьюстон украл когда-то целую страну, – и вот теперь за ним пришел ангел мщения. Она с трудом поборолла идиотское желание расхохотаться.

Потом ей вспомнилась та старуха, торговка каменным маслом в Уайтчепеле, и как она смотрела на Мика, когда тот ее расспрашивал. Возможно, он, этот ангел Голиада, и не один. Как удалось столь странной личности попасть в «Гранд», проникнуть в запертую комнату? Как может спрятаться такой человек даже в огромном Лондоне, даже в бесчисленных толпах оборванных американских беженцев?

– Пьяный, говоришь? – снова подал голос техасец.

– Что? – вздрогнула Сибил.

– Хьюстон.

– Хьюстон? Да. Он в курительной. Очень пьяный.

– Пусть выпьет напоследок. Он один?

– Он... – (Мик.) – Он там с каким-то высоким человеком. Я его не знаю.

– Бородатый? Рука сломана?

– Я... Да.

Техасец втянул воздух сквозь стиснутые зубы и пожал плечами; скрипнула кожа.

Слева что-то звякнуло. В слабом свете зашторенного окна Сибил уловила, как блеснули, сдвинулись с места грани дверной ручки. Техасец вскочил на ноги.

Одной рукой он плотно зажал ей рот, в другой у него был устрашающего вида кинжал, нечто вроде тесака, только с заостренным концом. Кинжал находился так близко от лица Сибил, что она разглядела медную накладку на тупой стороне клинка и зазубрины на этой накладке. А потом дверь стала медленно открываться, и внутрь проскочил Мик, его голова и плечи – черный силуэт на фоне люющего из коридора света.

Техасец отшвырнул ее в угол между бюро и стенкой, и Сибил, похоже, ударилась головой. Она стояла на коленях, окруженная смятым кринолином, и смотрела, как огромная рука хватается Мика за горло, поднимает в воздух, прижимает к стенке, как ноги Мика судорожно бьются, выстукивают по деревянной панели барабанную дробь, а потом в живот Мика косо, снизу вверх, вошел длинный блестящий клинок, вырвался и вошел снова, и в ноздри ударила жаркая вонь Мясницкого ряда.

* * *

Все потеряло реальность. Теперь Сибил воспринимала происходящее как сон, или театральный спектакль, или кино – кино, где бальзовых кубиков так много, и они такие крошечные, и программа, ими управляющая, так умело составлена, что экранная реальность даже реальнее обычной, настоящей реальности. Техасец аккуратно опустил Мика на пол, прикрыл и запер дверь; двигался он неспешно и методично.

В глазах у Сибил поплыло, она обмякла и привалилась к стене. Техасец взял Мика за воротник и потащил поглубже в тень, к зеркальному шкафу. Каблуки Мика неприятно скребли по полу. Потом техасец встал на колени, послышался шорох одежды, шлепок отброшенного в сторону бумажника, потом зазвенела мелочь, одна монета упала на паркет, покатилась, еще раз звякнула и стихла.

А от двери доносились скребущие звуки, брякал металл о металл – чья-то пьяная рука пыталась вставить ключ в замочную скважину.

Хьюстон настежь распахнул дверь и ввалился в комнату, тяжело опираясь на свою трость. Потом громко рыгнул и потер живот, место старой раны.

– Сучьи дети... – Хриплый, совершенно пьяный голос.

Генерала качало, заносило в сторону, каждый его шаг сопровождался резким стуком трости.

– Рэдди? Где ты там спрятался, недоносок? Вылезай!

Тяжелые башмаки прошаркали рядом с бюро. Сибил еле успела отдернуть пальцы.

Техасец прикрыл дверь.

– Рэдди!

– Здравствуй, Сэм.

Здесь, в этой темноте, где пахло бойней и незримо двигались великаны, комната над «Оленем» казалась далекой, как первые воспоминания детства. Хьюстон пошатнулся, ударил тростью по шторам, сорвал их, и тут же свет уличного фонаря зажег морозные узоры на забраных решетчатым переплетом стеклах, хлынул в комнату, выхватил из тьмы фигуру техасца, и черный платок, и мрачные глаза над краем платка, глаза отрешенные и безжалостные, как зимние звезды. Хьюстон попятился, полосатое одеяло соскользнуло с плеч на пол, тускло блеснули ордена.

– Меня прислали рейнджеры, Сэм.

Многоствольный пистолет Мика казался в руке техасца детской игрушкой.

– Кто ты, сынок? – спросил Хьюстон. В его низком голосе не осталось вдруг и следа опьянения. – Ты Уоллес? Сними эту тряпку. Поговорим как мужчина с женщиной...

– Ты, генерал, никем больше не командуешь. И зря ты взял то, что взял. Ты ограбил нас, Сэм. Где они? Где деньги казначейства?

– Тебя ввели в заблуждение, рейнджер. – В тягучем и приторном, как патока, голосе – бесконечное терпение, абсолютная искренность. – Я знаю, кто послал тебя, мне известны их лживые поклепы. Но клянусь тебе, я ничего не крал. Эти деньги находятся в моих руках по праву, это неприкосновенный фонд техасского правительства в изгнании.

– Ты продал Техас за британское золото. Нам нужны эти деньги на оружие. Мыдохнем с голоду, а они нас убивают. – Пауза. – И ты еще собирався им помочь.

– Республика Техас не может бросать вызов могущественнейшим державам мира, рейнджер. Я знаю, что в Техасе плохо, и мне больно за мою страну, но мира не будет, пока я вновь не стану у руля.

– У тебя ведь не осталось денег, верно? – В голосе рейнджера клокотала ненависть. – Я все проверил, здесь их нет. Ты продал свое роскошное поместье... Ты все спустил, Сэм, спустил на шлюх, на выпивку, на хитрые спектакли для иностранцев. А теперь ты хочешь вернуться на штыках мексиканской армии. Ты – вор, пропойца и предатель.

– Да шел бы ты на хрен! – загрохотал Хьюстон и рванул на груди сюртук. – Трусливый убийца! Грязный сукин сын! Если ты такой смельчак, что можешь убить отца своей страны, целься сюда, в сердце. – Он ударил себя в грудь кулаком.

– За Техас!

Дерринджер Мика выплюнул оранжевое с голубой оторочкой пламя, отшвырнул Хьюстона к стене. Генерал рухнул на пол, а мститель налетел на него, согнулся, чтобы ткнуть стволами маленького пистолета леопардовый жилет. Следующий выстрел прогремел у самой груди Хьюстона, затем еще один. Вместо четвертого выстрела с громким щелчком сломался курок.

Рейнджер отшвырнул пистолет в сторону. Хьюстон лежал навзничь, без движения, по леопардовому жилету катились красные бусинки.

Из соседней комнаты слышались сонные встревоженные крики. Схватив трость Хьюстона, техасец принялся молотить ею по окну. Стекла разлетались вдребезги, одно за другим, на тротуар сыпались осколки, затем не выдержал и решетчатый переплет. Мститель взлетел на подоконник и на мгновение замер. Ледяной ветер взметнул полы его плаща; оцепеневшая Сибил невольно вспомнила первое свое впечатление: огромный черный ворон.

Качнулся вперед и пропал – мститель, убийца Хьюстона, черный ангел Голиада, – и пропал, оставив ее одну на один с тишиной и подступающим к горлу ужасом. Сибил на четвереньках поползла по заваленной хламом комнате, поползла наугад, безо всякой цели. Сильно мешал кринолин, но тело ее двигалось будто само по себе. Под руку попала тяжелая трость; золоченый набалдашник в форме ворона отломался и лежал рядом.

Хьюстон застонал.

– Тише, пожалуйста, – проговорила Сибил. – Вы убиты.

– Кто вы? – спросил он и закашлялся.

Острые осколки стекла впивались ей в ладони. Как ярко они блестят. Трость, как она теперь разглядела, была полой внутри, из нее выпал плотный комок ваты, в котором сверкали... бриллианты. Ее руки собрали камешки в горстку, обернули их ватой и запихнули добычу за корсаж.

Она повернулась к Хьюстону. Генерал также лежал на спине, по леопардовому жилету медленно, словно в страшном сне, расплзалось красное пятно.

– Помогите мне, – прохрипел Хьюстон. – Я не могу дышать.

Он дернул пуговицы жилета, и тот распахнулся, открыв внутренние кармашки из черного шелка, а в них – аккуратные свертки, заклеенные в плотную коричневую бумагу. Колоды перфокарт, загубленные пулевыми отверстиями... И кровь – по крайней мере одна из пуль пробила картонную броню и вошла в тело.

Сибил встала и, пошатываясь, побрела к двери. Проходя мимо зеркального шкафа, она слышала под ногами хлюпанье, недоуменно опустила глаза и увидела красную лужу. Рядом,

почти невидимый в тени, валялся сафьяновый, тоже красный, футляр для визитных карточек. Сибил подняла футляр, раскрыла его и увидела два билета, зажатые большой никелированной скрепкой.

– Помогите мне встать. – Заметно окрепший голос Хьюстона звучал раздраженно и настойчиво. – Где моя трость? Где Рэдли?

Пол качался, словно палуба корабля, однако Сибил продолжила свой путь к двери, вышла в коридор, плотно прикрыла за собой дверь и чинно, как благовоспитанная барышня из хорошей семьи, засемила по ярко освещенным и до крайности респектабельным коридорам «Гранд-Отеля».

* * *

Вокзал Лондон-бридж Юго-Восточной железнодорожной компании, грязно-серый чугун и черное от копоти стекло. Внутри – огромный, продутый сквозняками зал. Вдоль бесконечных рядов скамеек расхаживают квакеры, предлагая сидящим пассажирам брошюры. Ирландские солдаты в красных мундирах и с красными от выпитого за ночь джина глазами провожают бритоголовых миссионеров хмурыми взглядами. Французские пассажиры все как один возвращаются домой с ананасами, сладкими экзотическими дарами лондонских доков. Даже пухленькая актриса, сидящая напротив Сибил, везла ананас – сквозь материю, обтягивающую верх ее корзины, торчали зеленые колючки.

* * *

Поезд пролетел Бермондси, дальше замелькали маленькие улочки, двухэтажные кирпичные, крытые красной черепицей дома, все новенькое как с иголки, чистенькое. А еще дальше – мусорные кучи, огороды, пустыри. Туннель.

Тьма пахла пороховым дымом.

Сибил закрыла глаза.

Когда она открыла их снова, то увидела ворон, хлопающих крыльями над пустошью; провода электрического телеграфа то опускались почти до края окна, то взмывали вверх, мелькал столб с белыми чашечками, и провода вновь устремлялись вниз. Вниз-вверх, вниз-вверх, и каждый промежуток между столбами приближал ее к Франции.

* * *

На дагеротипе, заснятом сотрудником отдела полиции нравов Сюрте Женераль 30 января 1855 года, – молодая женщина, сидящая за столиком на террасе кафе «Мадлен», дом № 4 по бульвару Малешерб. Перед сидящей в одиночестве женщиной – фарфоровый чайник и чашка. Увеличение выявляет некоторые детали костюма: ленты, оборки, кашемировую шаль, перчатки, серьги, изысканную шляпку. Одежда женщины – французского производства, новая и высокого качества. Ее лицо, слегка размытое из-за длинной выдержки, кажется задумчивым.

Увеличение деталей фона позволяет увидеть дом № 3 по бульвару Малешерб, принадлежащий Южноатлантической судоходной компании. В витрине конторы помещается крупная модель трехтрубного пироскафа. Судно – французского производства и спроектировано для трансатлантической колониальной торговли. Пожилой человек, лица которого не видно, погружен в созерцание модели. Фигура этого случайного персонажа выделяется на фоне смазанных быстрым движением силуэтов парижских прохожих. Голова его непокрыта, плечи ссутулены,

он тяжело опирается на трость, судя по всему – из дешевого ротанга. Он не замечает молодой женщины, как и она – его.

Она – Сибил Джерард.

Он – Сэмюэль Хьюстон.

Их дороги расходятся навсегда.

Итерация вторая

Дерби

Он застыл на полушаге, готовый исчезнуть в гуще воскресной толпы. Объектив выхватил часть лица: высокая скула, густая, темная, коротко подстриженная борода, правое ухо; между вельветовым воротником и полосатой кепкой – случайная прядь волос. И тяжелые кованные ботинки, и обшлага брюк, забранные в короткие кожаные гетры, густо заляпаны известковой суррейской грязью. Левый погончик поношенного плаща надежно застегнут над ремнем полевого бинокля. Под распахнутым по жару плащом поблескивают надежные латунные пуговицы в виде коротких палочек. Руки человека глубоко засунуты в карманы.

Его зовут Эдвард Мэллори.

Мэллори пробирался среди экипажей, лошадей в шорах, меланхолично хрустящих травой, среди томительно знакомых запахов детства – упряжи, пота, навоза. Его руки проверили содержимое карманов. Ключи, портсигар, бумажник, футляр для визитных карточек. Толстая роговая рукоять шэффилдского складного ножа. Полевой блокнот, это – самое ценное. Носовой платок, огрызок карандаша, несколько монет. Будучи человеком практичным, доктор Мэллори знал, что в собравшейся на скачки толпе непременно шныряют воры и по виду их отличить невозможно. Вором здесь может оказаться любой. И от этого никуда не денешься.

Какая-то раззява неосмотрительно заступила ему дорогу, и сапожные гвозди зацепили край ее кринолина. Женщина обернулась, болезненно сморщилась и рывком высвободила ткань; кринолин громко скрипнул, а Мэллори учтиво коснулся кепи и прибавил шаг. Типичная фермерша, громоздкая, неуклюжая краснощекая баба, домашняя и английская, как корова. Мэллори была привычнее иная, более дикая порода женщин: смуглые низкорослые скво племени шайенов с их десятками блестящих от жира косиц и расшитыми бисером ногвицами. Кринолины казались ему каким-то странным вывертом эволюции; неужели дочерям Альбиона доставляет удовольствие таскать на себе эти птичьи клетки из китового уса и стали?

Бизон, вот на кого похожа женщина в кринолине. У американского бизона, сраженного пулей крупнокалиберной винтовки, резко подламываются ноги, он оседает в траву, превращается в такой же вот бугор. Великие стада Вайоминга встречают смерть совершенно неподвижно, лишь недоуменно поводят ушами на отдаленные хлопки выстрелов.

Теперь Мэллори пробирался через другое стадо, про себя удивляясь загадочному всемогуществу моды. На фоне своих дам мужчины казались существами иного биологического вида: никаких крайностей во внешнем облике – за исключением разве что блестящих цилиндров. Впрочем, Мэллори органически не мог считать какой бы то ни было головной убор экзотичным, слишком уж много знал он о шляпах, о тусклых, прозаичных секретах их изготовления. Вот эти, скажем, цилиндры, разве не ясно, что все они – за крайне редким исключением – откровенная дешевка. Массовый фабричный раскрой, машинная формовка. Смотрится, надо признать, вполне пристойно, немногим хуже, чем настоящие, вышедшие из рук опытного мастера, а стоят раза в два дешевле. Мэллори помогал когда-то отцу в его маленькой мастерской в Льюисе: орудовал шилом, простегивал фетр, натягивал заготовки на болванки, шил. Отца, опускавшего фетр в ртутную ванну, ничуть не беспокоил жуткий запах...

Неизбежная кончина отцовского ремесла не вызвала у Мэллори ни тени сентиментальности. А потом он и вовсе выбросил эти мысли из головы, увидев полосатый парусиновый навес, стойку и небольшую толпу, полностью состоявшую из мужчин. Это зрелище вызвало у него острый приступ жажды. Обогнув троицу джентльменов со стеками, оживленно обсуждавших шансы фаворитов, он протиснулся к стойке и призывно постучал серебряным шиллингом.

– Что желаете, сэр? – осведомился бармен.

– Хакл-бафф.

– Сэр родом из Сассекса?

– Да. А что?

– Я не смогу подать вам настоящий хакл-бафф, сэр, – нет ячменного отвара. – На багровом лице появилось крайнее сожаление, тут же, впрочем, исчезнувшее. – За пределами Сассекса его почти не спрашивают.

– А я два года не пробовал хакл-баффа, – вздохнул Мэллори.

– Если желаете, я приготовлю вам первоклассный бамбу. Очень похож на хакл-бафф. Нет? Тогда хорошую сигару. Всего два пенни! Прекрасный виргинский табак. – Бармен извлек из деревянного ящичка кривоватую черуту.

Мэллори покачал головой:

– Я очень упрям в своих пристрастиях. Хакл-бафф или ничего.

– Вас не переубедить, – улыбнулся бармен. – Сразу видно истинного сассекса! Я и сам оттуда родом. Примите эту прекрасную сигару безвозмездно, сэр, как *савенюр*.

– Очень мило с вашей стороны, – удивился Мэллори, тронул пальцами кепи и зашагал дальше.

Вытряхнув на ходу из портсигара люцифер, он чиркнул палочкой о подметку, раскурил черуту и беспечно заткнул большие пальцы за проймы жилета. По вкусу сигара напоминала отсыревший порох; после первой же затяжки Мэллори поспешно выдернул ее изо рта. Скрутку из паршивого черновато-зеленого листа опоясывала полоска газетной бумаги с маленьким, в звездах и полосах, иностранным флажком и надписью: «ВИКТОРИ БРЭНД». Все понятно, армейский хлам этих самых янки. Отброшенная сигара угодила в бок цыганской кибитки, выбросила фейерверочный сноп искр и тут же оказалась в чумазах ручонках черноголового оборвыша.

Слева от Мэллори ипподромную толпу рассекал роскошный, темно-вишневого цвета паровой экипаж. Высоко вознесенный над людским морем возница потянул за рычаг тормоза, громко затрезвонил медный колокольчик, и толпа неохотно раздвинулась. На высоких бархатных сиденьях разместились пассажиры; шарнирная крыша была сложена гармошкой назад, чтобы пропускать солнце. Ухмыляющийся старый бонвиван в лайковых перчатках смаковал шампанское в компании двух юных девиц – то ли дочерей, то ли содержанок. На дверце экипажа гордо красовался герб – скрещенные серебряные молотки на лазоревой шестеренке. Какая-то неизвестная Мэллори эмблема радикалов. Он знал гербы всех лордов-ученых, но слабо ориентировался в геральдике капиталистов.

Машина катила на восток, к гаражам дерби; Мэллори шел следом по расчищенной от людей дороге, легко поспевая за медлительной машиной и улыбаясь тому, как ломовые извозчики стараются унять перепуганных лошадей. Он вытащил из кармана справочник, оступившись при этом в колее, выбитой толстыми колесами брума, и перелистнул пестрящие яркими иллюстрациями страницы. Издание было прошлогоднее, лазоревой шестеренки с серебряными молоточками в нем не нашлось. Удивляться особенно нечему, теперь что ни неделя, то новый лорд. А все эти ихние светлости прямо без ума от своих паровых шарабанов.

Машина держала курс на клубы сероватого пара, поднимающиеся над трибунами Эпсوما; она неуклюже перевалила через поребрик мощеной подъездной дорожки, и тут Мэллори увидел гараж, длинную несущую постройку в так называемом современном стиле – железный наружный каркас, крыша из луженой, на болты посаженной жести. Все это уныние малость расцвечено пестрыми вымпелами и жестяными колпачками вентиляционных труб.

Пыхтя и отдуваясь, машина заползла в свое стойло. Возница открыл клапаны, раздалось громкое шипение, взлетело и тут же рассосалось облачко пара. Гаражные механики забегали с масленками, господа же тем временем сошли вниз по складному трапу. Направляясь к трибуне, лорд и две его спутницы прошли мимо Мэллори; свежее испеченная, из грязи да в князи,

британская аристократия, они не сомневались, что этот мужлан смотрит на них во все глаза, – и высокомерно его игнорировали. Возница с увесистой корзиной потащился следом за ними. Мэллори коснулся пальцем своей полосатой, точно такой же, как у водителя, кепки и подмигнул, но не был удостоен ответом.

Шагая вдоль гаражей и сверяя гербы на паромоходах по справочнику, Мэллори удовлетворенно помечал каждую новую находку огрызком карандаша. Вот Фарадей, величайший физик Королевского общества, вот Колгейт, мыльный магнат. А вот поистине находка – инженер-проектировщик Брюнель. Очень немногие кареты могли похвастаться древними гербами, гербами землевладельцев, чьи отцы были герцогами и графами в те дни, когда еще существовали подобные титулы. Кое-кто из поверженного старого дворянства мог позволить себе пар; другие обладали некоторой предприимчивостью и прилагали все усилия, чтобы остаться на поверхности.

Подойдя к южному крылу гаража, Мэллори обнаружил, что оно окружено баррикадой из чистеньких, пахнущих смолой козел. Этот участок, зарезервированный для гоночных паромоходов, патрулировался отрядом пешей полиции в полном обмундировании. Один из полицейских был вооружен самострельным, с пружинным заводом, карабином «каттс-модзли» знакомой Мэллори модели – шесть таких входили в снаряжение вайомингской экспедиции. Хотя шайены относились к короткоствольному бирмингемскому автомату с полезным для нужд экспедиции благоговением, Мэллори знал, что эта игрушка капризна и ненадежна. К тому же стреляет куда угодно, кроме цели, так что толку с нее кот наплакал, разве что если выпустить все тридцать патронов очередь в настигающую тебя свору преследователей – что и проделал однажды сам Мэллори через кормовую амбразуру самоходного форта экспедиции.

А вот этот молоденький розовощекий фараон, разве имеет он хоть малейшее понятие, что такое очередь из «каттс-модзли», выпущенная в толпу? В английскую, например, толпу. Мэллори пожегся и постарался стряхнуть мрачные мысли.

По ту сторону ограждения каждое стойло было укрыто от вездесущих шпионов и букмекеров отдельной брезентовой ширмой, туго натянутой на вкопанные в землю столбики. Мэллори не без труда протолкался сквозь оживленную толпу зевак и энтузиастов пара; когда же у самых ворот его бесцеремонно остановили два фараона, он предъявил свое регистрационное удостоверение и гравированное приглашение от Братства паровых механиков. Тщательно записав номер, полисмены сверили его со списком в толстом блокноте, показали, где находится указанный в приглашении гараж, и настоятельно рекомендовали идти прямо, не шляться по охраняемой территории без дела.

В качестве дополнительной предосторожности братство поставило и собственного часового. Грозный страж, примостившийся на складном стуле возле брезента, угрожающе щурил глаза и сжимал в руках увесистый разводной ключ. Мэллори снова показал свое приглашение; отогнув узкий брезентовый клапан, часовой просунул в щель голову, крикнул: «Твой брат, Том!» – и пропустил гостя в гараж.

Свет дня померк, в нос ударила резкая вонь смазки, металлической стружки и угольной пыли. Четверо паровых механиков, все в одинаковых полосатых кепках и кожаных передниках, изучали какой-то чертеж. Резкий свет карбидной лампы играл на изогнутых, покрытых эмалью поверхностях странной машины.

В первое мгновение Мэллори решил, что перед ним лодка, маленький пироскаф – алый корпус, нелепо подвешенный между двух огромных колес, – но затем, подойдя поближе, он понял, что это – ведущие, а не гребные колеса; бронзовые, безукоризненно отшлифованные штоки уходили в пазы неправдоподобно тонкой обшивки. Нет, не лодка, а паровой экипаж, только экипаж необычный, напоминающий по форме... каплю? Нет, скорее уж огромного головастика. Третье колесо, миниатюрное и даже немного смешное, было установлено на конце длинного узкого хвоста, в шарнирной стойке.

На тупом полукруглом носу машины прямо под огромным изогнутым листом великолепного свинцового стекла (предназначенным, надо понимать, для защиты машиниста от встречного потока воздуха) четко виднелись черные с золотом буквы: «ЗЕФИР».

– Иди сюда! – махнул рукой Том. – Что ты там стоишь как неродной.

Остальные встретили его слова сдержанным смехом.

Ну и нахалюга же, внутренне улыбнулся Мэллори; его подкованные сапоги громко скребли по цементному полу. Ишь, и усы у маленького братика появились, да какие роскошные – кошка лизнет, и ничего не останется.

– Мистер Майкл Годвин, сэр. – Мэллори протянул руку своему давнему другу, а ныне – наставнику девятнадцатилетнего Тома.

– Доктор Мэллори, сэр! – отозвался Годвин, невысокий и кряжистый, лет сорока от роду механик с изрытыми оспой щеками, соломенными волосами, длинными густыми бакенбардами и острым блеском глубоко посаженных глаз. Он собрался было поклониться, но вовремя передумал и, несильно хлопнув Мэллори по спине, представил его своим товарищам. Последние звались Элайджа Дуглас, старший подмастерье, и Генри Честертон, мастер второй ступени.

– Весьма польщен, – коротко кивнул Мэллори. – Я ожидал от вас многого – и все равно поражен увиденным.

– И что вы думаете об этом красавце, доктор Мэллори?

– Трудно заподозрить его в родстве с нашим фортом.

– «Зефир» не предназначен для работы в Вайоминге, – улыбнулся Годвин, – чем и объясняется прискорбная нехватка брони и оружия. Форма определяется функцией – так, кажется, звучит любимая ваша присказка?

– Маловат он вроде для гоночной машины, – осторожно заметил Мэллори. – Да и форма, как бы это получше сказать, *своеобразная*.

– В основу нашей конструкции положены научные принципы, сэр. Новейшие принципы. Тут, кстати, очень интересная история, причем история, связанная с одним из ваших коллег. Вы помните покойного профессора Радвика?

– Да, разумеется, Фрэнсис Радвик... – Мэллори растерянно смолк. – Но только Радвик и новые принципы?... Не вяжется это как-то.

Дуглас и Честертон смотрели на него с откровенным любопытством.

– Мы оба – палеонтологи. – Мэллори чувствовал себя очень неловко. – Но этот малый воображал себя вроде как аристократом. Задира нос, придерживался каких-то допотопных теорий. Не умел логически мыслить – хотя это, конечно же, мое личное мнение.

Было видно, что механики воспринимают его слова весьма скептически.

– Я не из тех, кто дурно отзывался о мертвых, – поспешно добавил Мэллори. – У Радвика была своя компания, у меня – своя, и хватит об этом.

– Но вы ведь помните, – настаивал Годвин, – его гигантскую летающую рептилию?

– Кецалькоатлус, – кивнул Мэллори. – Серьезное открытие, тут уж не поспоришь.

– Кости отослали для изучения в Кембридж, – продолжал Годвин, – в Институт машинного анализа.

– Я сам собираюсь там поработать по бронтозаврусу, – кивнул Мэллори. Ему очень хотелось сменить тему.

– Так вот, – продолжил Годвин, – у них там в институте лучшие математики Британии, и они день за днем гоняли свои исполинские машины, пока мы с вами мерзли в топях Вайоминга. Долбили дырки в карточках, чтобы разобраться, как могла летать такая громадина.

– Я знаком с проектом, – кивнул Мэллори. – Радвик опубликовал по этой теме пару статей. Но воздушная динамика не моя специальность. Честно говоря, я не ожидаю от нее серьезных теоретических результатов. Слишком уж она, простите за каламбур, *воздушна*.

– А вдруг она может дать серьезные *практические* результаты? – улыбнулся Годвин. – В анализе принимал участие сам лорд Бэббидж.

Мэллори задумался.

– Надо думать, что в пневматике все же есть какой-то смысл, раз уж она привлекла внимание великого Бэббиджа. Развитие искусства воздухоплавания? Армия очень интересуется воздушными шарами, а на военные науки у нас денег не жалеют.

– Нет, сэр, я имел в виду практическое конструирование.

– Конструирование летающих машин? – Мэллори помедлил. – Но вы же не станете меня убеждать, что эта ваша таратайка *летает*?

Механики вежливо рассмеялись.

– Нет, – успокоил его Годвин. – К тому же все эти священнодействия с машиной так и не решили поставленной задачи. Зато теперь мы кое-что понимаем в воздушных потоках, начинаем осознавать принципы атмосферного сопротивления. Принципы совершенно новые, не получившие еще широкой известности.

– Но мы, механики, – с гордостью вставил мистер Честертон, – уже использовали их практически, при конструировании «Зефира».

– Мы называем это «обтекаемая форма», – подал голос Том.

– Значит, вы придали своей машине «обтекаемую форму», да? Вот почему она так похожа на... гм...

– На рыбу, – подсказал Том.

– Вот именно, – воскликнул Годвин. – Рыба! И все это связано с поведением текучих сред. Вода. Воздух. Хаос и турбулентность! И все это поддается расчету.

– Поразительно, – отозвался Мэллори. – Так, значит, эти принципы турбулентности...

Соседнее стойло взорвалось оглушительным грохотом; стены задрожали, а с потолка посыпалась сажа.

– Это итальянцы, – крикнул Годвин. – В этом году они привезли нечто чудовищное!

– И воняет эта гадость соответственно, – пожаловался Том.

Годвин склонил голову на бок и прислушался.

– Слышите, как стучат штоки на обратном ходе поршня? Плохая подгонка. Ну чего еще ждать от этих нерях-иностранцев! – Он отряхнул припорошенную сажей кепку о колено.

Голова у Мэллори раскалывалась от шума.

– Давайте я куплю выпить! – прокричал он.

– Что? – непонимающе приложил руку к уху Годвин.

Мэллори поднес ко рту кулак с поднятым большим пальцем. Годвин ухмыльнулся. Он крикнул что-то Честертону, получил ответ и вытащил Мэллори из гаража на свет божий.

– Штоки у макаронников ни к черту, – радостно сообщил часовой.

Годвин кивнул, отдал ему свой кожаный передник, накинуд неприметный черный сюртук и сменил полосатую кепку на соломенную, с низкой тульей и широкими полями шляпу.

Они вышли за барьер.

– Я могу урвать лишь пару минут, – извинился Годвин, – за ними же глаз да глаз. – Он надел дымчатые очки. – Кое-кто из этих энтузиастов знает меня в лицо, могут увязаться следом... Да ладно, ерунда это все. Рад видеть вас снова, Нед. Добро пожаловать в Англию.

– Я вас надолго не задержу, – успокоил его Мэллори. – Просто хотел перекинуться парой слов наедине. О мальчике, о его успехах.

– О, Том – отличный малый, – отозвался Годвин. – Учится, старается.

– Надеюсь, у него будет все в порядке.

– Я тоже надеюсь, – кивнул Годвин. – Искренне вам сочувствую, Том ведь рассказал мне о вашем отце. Что он тяжело болен и все такое.

– Старый Мэллори, он не уйдет, пока у него есть дочки на выданье, – процитировал Мэллори с густым сассекским акцентом. – Вот что отец всегда нам говорит. Он хочет иметь полную уверенность, что все его девочки благополучно вышли замуж. Упорный старик.

– Думаю, он счастлив иметь такого сына, как вы, – заметил Годвин. – Ну а как вам показался Лондон? Вы приехали воскресным поездом?

– Я еще не был в Лондоне, просидел все время в Льюисе, с семьей. Сел там на утренний поезд до Лезерхеда, а остаток пути прогулялся пешком.

– Пешком из Лезерхеда? Это же миль десять, если не больше!

– Вы что, забыли, как я искал окаменелости? – улыбнулся Мэллори. – Двадцать миль в день, без дорог и тропинок, по вайомингским валунам и осыпям. Меня потянуло вновь побродить по дорогам старой доброй Англии. Я ведь только-только из Торонто, верхом на наших ящиках с загипсованными костями, а вы уже который месяц дома, варитесь во всей этой каше. – Он повел рукой вокруг.

– Да, – кивнул Годвин, – но как вам все-таки эта страна на свежий взгляд, после долгого отсутствия?

– Антиклиналь Лондонского бассейна, – пожал плечами Мэллори. – Палеоценовые и эоценовые меловые отложения, чуть-чуть голоценовой кремнистой глины...

– Все мы – голоценовая кремнистая глина, – рассмеялся Годвин. – Ну вот и пришли, эти ребята продают вполне приличное пойло.

Они спустились по пологому склону к подводе с бочонками, окруженной плотной толпой жаждущих. Хакл-баффа тут, конечно же, не было, и Мэллори купил пару пинт эля.

– Рад, что вы приняли наше приглашение, – сказал Годвин. – Я знаю, что вы, сэр, человек занятой. Все эти ваши знаменитые геологические дискуссии и...

– Не более занятой, чем вы, – возразил Мэллори. – Серьезная конструкторская работа, практичная и полезная. Завидую я вам, честное слово.

– Нет, нет, – настаивал Годвин. – Ваш брат, он считает вас настоящим гением. И мы, все остальные, тоже! У вас, Нед, большое будущее, ваша звезда еще только восходит.

– Да, – кивнул Мэллори, – в Вайоминге нам очень повезло, и наше открытие не осталось незамеченным научной общественностью. Но без вас и вашего самоходного форта эти краснокожие быстренько бы сделали нам типель-тапель.

– Не такие уж они оказались и страшные, глотнули виски и размякли.

– Туземцы высоко чтят британское оружие, – возразил Мэллори. – А разглагольствования о старых костях не производят на них ровно никакого впечатления.

– Ну не скажите, – ответил Годвин, – я преданный сторонник партии, а потому согласен с лордом Бэббиджем: «Теория и практика должны быть едины, как кость и мышцы».

– Это следует обмыть, – подытожил Мэллори. – Прошу вас, позвольте мне, – добавил он, видя, что Годвин лезет в карман. – Я ведь еще не истратил свой бонус за экспедицию.

Годвин с кружкой в руке отвел Мэллори подальше от остальных пьющих. Осторожно оглянувшись, он снял очки и поглядел Мэллори в глаза:

– Нед, вы верите в свою удачу?

Мэллори задумчиво взялся за подбородок:

– Продолжайте.

– Букмекеры расценивают шансы «Зефира» очень низко, ставки – десять к одному.

– Я не игрок, мистер Годвин, – хмыкнул Мэллори. – Дайте мне надежные факты и доказательства, вот тогда я приму решение. Я же не какой-нибудь заполошный дурак, чтобы надеяться на не заработанные в поте лица богатства.

– В Вайоминге вы рисковали – рисковали жизнью.

– Да, но тогда все зависело от моих собственных способностей и способностей моих сотоварищей.

– Вот именно! – воскликнул Годвин. – Я стою в точности на тех же позициях! Если вы никуда не торопитесь, я хотел бы рассказать вам о нашем Братстве паровых механиков. – Он понизил голос. – Глава нашего профсоюза, лорд Скоукрофт... Лорд, а в недобрые старые времена простой Джим Скоукрофт, один из лучших наших агитаторов. Но мало-помалу Джим примирился с радикалами, теперь он богат и уже посидел в парламенте и все такое прочее. Умный мужик, очень умный. Когда я пришел к нему с планами постройки «Зефира», он ответил мне точно так же, как вы сейчас: факты и доказательства. «Мастер первой степени Годвин, – сказал он, – я не могу субсидировать ваш проект из заработанных тяжким трудом взносов нашего братства, если вы не сможете показать мне черным по белому, какую это принесет нам выгоду». Тогда я сказал ему: «Ваша светлость, личные паровые экипажи – предмет роскоши, а их изготовление – одна из самых выгодных отраслей производства в империи. Когда мы выйдем на Эпсом-Даунс и наша машина оставит конкурентов далеко позади, вся аристократия встанет в очередь за знаменитой продукцией паровых механиков». И так оно и будет, Нед.

– Если вы выиграете гонку, – охладил его пыл Мэллори.

Годвин серьезно кивнул:

– Я не даю твердых обещаний. Я – механик; мне ли не знать, как железо может гнуться и ломаться, рваться и ржаветь. Вы тоже знаете это, Нед, ведь сколько раз чинил я у вас на глазах этот проклятый форт, чинил, пока мне не начинало казаться, что еще чуть-чуть – и я сойду с ума... Но я полагаюсь на факты, на цифры. Я знаю перепады давления и мощность двигателя, вращательный момент и диаметр колес. Если не случится какой-нибудь дурацкой поломки, наш маленький «Зефир» промчится мимо соперников, как будто они вкопаны в землю.

– Звучит великолепно. Я рад за вас. – Мэллори отпил из кружки. – Ну а что будет, если поломка все-таки произойдет?

– Тогда, – улыбнулся Годвин, – я проиграю и останусь без гроша за душой. Лорд Скоукрофт был весьма щедр – по своим меркам, – но в таком проекте, как наш, не обойтись без непредвиденных расходов. Я вложил в эту машину все – и бонус за экспедицию от Королевского общества, и даже небольшое наследство, оставленное мне незамужней тетушкой, да будет земля ей пухом.

Мэллори был потрясен.

– Как, абсолютно все?

– За исключением того, что я *знаю*, уж это-то, слава господу, никто у меня не отберет, – криво усмехнулся Годвин. – Прокормлюсь ремеслишком. Если что, снова завербуюсь в экспедицию Королевского общества, платят там вполне прилично. Но я рискую всем, что у меня есть в Англии. Или грудь в крестах, или голова в кустах – безо всяких промежуточных вариантов.

Мэллори снова помял подбородок:

– Я поражаюсь вам, мистер Годвин. Вы всегда казались мне таким практичным.

– Доктор Мэллори, сегодня на меня будут смотреть сливки британского общества. Премьер-министр здесь. Принц-консорт здесь. Леди Ада Байрон здесь и, если верить слухам, делает крупные ставки. Ну когда еще представится второй такой шанс?

– Да, я понимаю вашу логику, – задумчиво кивнул Мэллори, – хотя и не совсем с ней согласен. Но, с другой стороны, в вашем положении подобный риск вполне допустим. Насколько я помню, вы не женаты.

Годвин отхлебнул эля.

– Как и вы, Нед, – Годвин приложился к кружке, – как и вы.

– Да, но у меня сидят по лавкам восемь младших братьев и сестер, мой старый отец смертельно болен, а мать еле ходит. Ревматизм. Я не могу рисковать средствами к существованию своей семьи.

– Ставки десять к одному, Нед. Это же просто смешно! И какой идиот их назначил! Тут бы вернее было пять к трем в пользу «Зефира».

Мэллори промолчал.

– Жаль, – вздохнул Годвин. – А мне так хотелось, чтобы кто-нибудь из друзей выиграл на этих скачках, выиграл по-крупному. Сам-то я этого сделать не могу. Очень хотелось бы, но потратил на «Зефир» все, до последнего фунта.

– Пожалуй, я сделаю небольшую ставку, – осторожно сказал Мэллори. – Во имя дружбы.

– Поставьте десять фунтов за меня, – вскинул голову Годвин. – Десять фунтов, в долг. Если вы проиграете, я найду со временем способ рассчитаться. Если выиграете, мы разделим сто фунтов поровну. Ну, что скажете? Вы согласны?

– Десять фунтов... Большие деньги.

– Я сумею рассчитаться.

– В этом-то я ничуть не сомневаюсь... – Отказаться было невозможно. Этот человек дал Тому место в жизни, и Мэллори чувствовал себя перед ним в долгу. – Хорошо, мистер Годвин. Только для вас.

– Вы не пожалеете. – Годвин сокрушенно отряхнул засаленные рукава сюртука. – Пятьдесят фунтов мне совсем не помешают. Удачливый изобретатель, уверенно поднимающийся и так далее, не должен одеваться, как священник из глухой деревушки.

– Вот уж не подумал бы, что вы станете сорить деньгами на такую ерунду.

– Это не ерунда – одеваться в соответствии со своим положением. – Годвин окинул Мэллори цепким взглядом. – Это ведь ваш старый, еще вайомингский плащ, верно?

– Весьма практичная одежда, – кивнул Мэллори.

– Только не для Лондона. Не для того, чтобы читать лекции светским дамам, вспыхнувшим любовью к естественной истории.

– Я не стыжусь того, что я есть, – набычился Мэллори.

– Ну да, – кивнул Годвин. – Простецкий парень Нед Мэллори является на скачки в кепке механика, чтобы ребята не робели, встретившись со знаменитым ученым. Я знаю, почему вы так сделали, Нед, и мне это очень нравится. Но помяните мое слово, когда-нибудь вы станете лордом Мэллори, это уж как Бог свят. У вас будет шелковый фрак и ленточка в петлице, ордена и медали ото всех научных обществ. Это же вы откопали сухопутного левиафана, сумели разобратся в неразберихе его окаменелых костей. Так что, Нед, пора взглянуть правде в глаза.

– Все не так просто, как вы думаете, – возразил Мэллори. – Вы не знакомы с политической Королевского общества. Я – катастрофист. А когда дело доходит до раздачи должностей и наград, заправляют всем униформисты. Люди вроде Лайелла или этого проклятого дурака Радвика.

– Чарльз Дарвин – лорд. Гидеон Мэнтелл – лорд, а его игуанодон – просто креветка по сравнению с вашим бронтозаврусом.

– Не говорите дурно о Гидеоне Мэнтелле! Он – величайший ученый, каким когда-либо славился Сассекс, и он был очень добр ко мне.

Годвин заглянул в свою пустую кружку.

– Прошу прощения, – сказал он. – Мне не следовало высказывать свое мнение так откровенно, я и сам это понимаю. Здесь не дикий Вайоминг, где все мы сидели у лагерного костра, не зная чинов и различий, и чесали языками о чем ни попадя.

Он снова надел дымчатые очки.

– Но я хорошо помню ваши теоретические рассуждения, как вы объясняли нам смысл этих костей. «Форма определяется функцией». «Выживают наиболее приспособленные». Новые формы идут в авангарде. Сперва они могут выглядеть необычно, но природа испытывает их в борьбе против старых, и если они устоят и победят, то их потомки унаследуют мир. –

Годвин поднял взгляд. – Если вы не понимаете, что эта ваша теория имеет самое прямое отношение к моим конструкциям, то вы – совсем не тот человек, каким я вас считаю.

Мэллори снял кепку.

– Это мне следует просить у вас прощения, сэр. Простите мне мою дурацкую вспыльчивость. Надеюсь, вы всегда будете говорить со мной откровенно, мистер Годвин, будут у меня на груди ленточки или нет. И да не стать мне никогда настолько ненаучным, чтобы закрывать глаза на честную правду. – Он протянул руку.

Годвин ее пожал.

На ипподроме запели фанфары, и тут же шум толпы стал громче, напряженнее. Люди устремились к трибунам, словно гигантское стадо – на водопой.

– Пойду сделаю ставку, о которой мы тут спорили, – сказал Мэллори.

– А мне пора к ребятам. Зайдете к нам после гонок? Чтобы разделить выигрыш?

– Непременно.

– Позвольте, я отнесу буфетчику вашу кружку, – предложил Годвин.

Отдав механику кружку, Мэллори зашагал прочь.

* * *

Расставшись со старым другом, Мэллори тут же пожалел о своем неосторожном обещании. Десять фунтов – огромные деньги, в университете ему хватало такой, ну, может, чуть большей суммы на год.

И все же, размышлял он, шагая к палаткам букмекеров, Годвин – великолепный механик и честнейший человек. Нет никакой причины сомневаться в его оценках исхода гонки, а человек, крупно поставивший на «Зефир», может покинуть этим вечером Эпсом с суммой, равной доходу за несколько лет. Если рискнуть тридцатью фунтами или сорока...

У Мэллори было в банке почти пятьдесят фунтов – большая часть его экспедиционного бонуса. Еще двенадцать фунтов он держал при себе в пропотелом парусиновом поясе, надежно затянутом под жилетом.

Ему вспомнился несчастный отец, одержимый безумием шляпника, отравленный ртутью, трясущийся и бессмысленно бормочущий в кресле у камина. Часть денег была заранее отведена на покупку угля для этого камина.

И все же... *получить четыреста фунтов*... Нет, он сохранит выдержку и поставит только десять, выполнит свое обещание Годвину – вот и все. Десять фунтов – потеря тяжелая, но не фатальная. Мэллори просунул пальцы правой руки между пуговицами жилета и нащупал клапан парусинового пояса.

Он решил сделать ставку в наисовременнейшей фирме «Дуайер и К°», а не в почтенной и, возможно, чуть-чуть более респектабельной «Таттерсоллз». Мэллори нередко проходил мимо ярко освещенного заведения Дуайера на Сент-Мартинз-лейн, из ярко освещенных окон которого непрестанно доносился глухой, прерывистый рокот трех вычислительных машин. Он поостерегся делать такую крупную ставку у кого-нибудь из десятков букмекеров, вознесенных над толпой на высоких табуретах, хотя они были – по необходимости – почти так же надежны, как и крупные фирмы. Мэллори однажды стал свидетелем того, как в Честере едва не линчевали проштрафившегося букмекера. Он еще не забыл, как над толпою взвился вопль: «Жулик!», пронзительный, как «Грабят!» или «Горим!», как озверевшие игроки бросились на человека в черной шапочке, сбили его с ног и долго, остервенело пинали. Под поверхностным добродушием посетителей скачек таилась первобытная жестокость. Лорд Дарвин выслушал рассказ об этом инциденте с большим интересом и провел аналогию с поведением вороньей стаи...

Очередь к кассе паровых заездов продвигалась медленно, и Мэллори начал думать о Дарвине. Он считал нелюдимого лорда одним из величайших умов столетия, был давним и страстным его поклонником, однако начал последнее время подозревать, что тот считает своего младшего коллегу излишне торопливым – хотя и ценит его поддержку. Так оно или не так, но помощи от Дарвина не дождешься, проблемы профессиональной карьеры кажутся ему мелкими, не заслуживающими внимания. Иное дело Томас Генри Гексли – видный социальный теоретик, прекрасный биолог и оратор.

В соседней, справа от Мэллори, очереди скучал светский хлыщ с последним номером «Спортинг лайф» под мышкой; над его нарочито неброской одеждой явно трудился кто-то из лучших модельеров Лондона, если не Парижа. На глазах у Мэллори хлыщ подошел к окошку и поставил сто фунтов на Гордость Александры, это бывают же у лошадей такие клички.

– Десять фунтов на «Зефир», на выигрыш, – сказал Мэллори, протягивая в окошко одну пятифунтовую банкноту и пять фунтовых.

Пока кассир методично пробивал перфокарту, Мэллори изучал подвижное, из кинокубиков, табло соотношения ставок, вывешенное за глянцевой, под мрамор, стойкой. Фаворитами были французы – «Вулкан» от «Компань женераль де траксьон»,⁴ пилот – некий мистер Рейнал. Мэллори отметил для себя, что итальянцы стоят немногим выше, чем «Зефир» Годвина. Это что же, все уже в курсе про штоки?

Кассир протянул ему синий листок, копию пробитой карточки.

– Очень хорошо, сэр, благодарю вас. – Он уже глядел мимо, на следующего клиента.

– Вы примете чек, выписанный на Сити-бэнк? – спросил Мэллори.

– Разумеется, сэр, – ответил кассир, вскинув бровь; можно было подумать, что он только сейчас заметил кепку и плащ Мэллори. – При том условии, что он будет помечен вашим гражданским индексом.

– Тогда, – к собственному своему изумлению, сказал Мэллори, – я поставлю на «Зефир» еще сорок фунтов.

– На выигрыш, сэр?

– На выигрыш.

* * *

Мэллори любил наблюдать и анализировать поведение людей и считал себя довольно приличным в этом деле специалистом. Он обладал, как заверял его Гидеон Мэнтелл, острым, ничего не упускающим глазом натуралиста. И действительно, теперешним своим положением в научной иерархии Мэллори обязан был тому, что без усталости обшаривал этим самым своим глазом монотонный отрезок каменистого берега вайомингской реки и в конце концов вычленил из кажущегося хаоса форму.

Однако сейчас, потрясенный безрассудством сделанной ставки, чудовищностью последствий в случае проигрыша, Мэллори не находил ни малейшего утешения в пестроте собравшейся на скачки толпы. Алчный, многоголосый рев, взорвавшийся, как только лошади взяли старт, окончательно переполнил чашу его терпения.

Он ушел – едва ли не сбежал – с трибуны в надежде стряхнуть нервное напряжение. У перил, огораживавших финишную прямую, скопились десятки повозок и сотни людей, вопивших во всю глотку, когда мимо них проносились лошади. Здесь толпились люди победнее, не желавшие выкладывать шиллинг за место на трибунах, а заодно и те, кто честным или бесчестным способом зарабатывал на них деньги: наперсточники, цыгане, карманники. Мэллори принялся протискиваться к краю толпы, в надежде немного отдышаться.

⁴ «Compagnie Générale de Traction» – «Всеобщая компания тяги» (фр.).

И тут его ни с того ни с сего пронзила пугающая мысль: не потерялись ли квитанции; он застыл как вкопанный и начал судорожно рыться в карманах.

Нет, вот они, эти синие листочки, его билеты к катастрофе.

Мэллори двинулся дальше – и чуть не попал под копыта двух запряженных в открытую коляску лошадей. Вzbешенный и негодующий, он схватился за упряжь ближайшей лошади, устоял кое-как на ногах и начал на чем свет стоит честить раззяв, которые едут прямо на людей.

Рядом с его головой щелкнул кнут. Встав на козлы, возница пытался выбраться из толпы. Синий, до рези в глазах яркий костюм, большой искусственный рубин в узле шелкового, цвета лососины галстука – возница явно принадлежал к племени ипподромных пажонов. Под уродливо вздутым лбом, чью мертвенную бледность еще более подчеркивали темные растрепанные волосы, беспокойно бегали мрачные, лихорадочно поблескивающие глаза – колоритный малый словно смотрел всюду сразу. Всяду – кроме беговой дорожки, приковавшей к себе внимание толпы. Станный тип, странный возница двух не менее странных пассажиров.

Лицо первой было скрыто вуалью, одета она была в темное, почти мужское платье и держала в руках длинный деревянный ящик, нечто вроде футляра для инструментов. Когда коляска застряла, эта женщина поднялась на ноги, уцепилась, пьяно пошатываясь, за дверцу и попыталась выйти; ящик свой она перехватила под мышку. Намерение осталось неосуществленным – спутница рванула ее за локоть и усадила на место.

Мэллори изумленно наблюдал за происходящим. Дело в том, что второй в коляске была рыжеволосая девица в аляповатом наряде, уместном разве что в трактире или того похуже. Ее хорошенькое размалеванное личико было отмечено печатью мрачной, неколебимой решимости.

Прямо на глазах у Мэллори рыжая девка ударила даму костяшками согнутых пальцев под ребра, ударила умело, жестоко и почти незаметно. Таинственная дама сложилась пополам и рухнула на сиденье.

Безобразная сцена вызвала к немедленному действию. Мэллори бросился к коляске и распахнул лакированную дверцу.

– Что это значит? – гневно воскликнул он.

– Мотай отсюда, – нежно посоветовала девица.

– Я видел, как вы ударили эту даму. Да как вы смеете?

Коляска дернулась, едва не сбив Мэллори с ног, однако он быстро оправился, рванулся вперед и схватил даму за руку. Под темной вуалью угадывалось округлое, нежное – и неестественно сонное, почти летаргическое, лицо.

– Немедленно остановитесь!

Не совсем, видимо, сознавая, что коляска движется, дама поднялась на ноги, снова попыталась выйти – и снова пошатнулась. Взглянув на свои руки, она увидела ящик и передала его Мэллори, передала легко и естественно, словно госпожа – слуге.

Мэллори споткнулся, обеими руками сжимая неудобный ящик. В толпе раздались возмущенные возгласы – восседавший на козлах пажон гнал, не разбирая дороги, прямо на людей. Коляска снова остановилась, лошади всхрапывали и тянули постромки.

Дрожа от ярости, пажон отбросил кнут, прыгнул на землю и двинулся к Мэллори, бесцеремонно расталкивая привлеченных скандалом зевак. По дороге он выхватил из кармана квадратные розовые очки и нацепил их на скрытые напояженными волосами уши. Остановившись перед Мэллори, пажон расправил покатые плечи и приказал:

– Верните эту вещь.

Рука, повелительно указывающая на ящик, была затянута в канареечно-желтую, под стать остальному наряду, перчатку.

– А в чем, собственно, дело? – возмутился Мэллори.

– Отдай, или хуже будет.

Мэллори окинул плюгавого наглеца изумленным взглядом. Он бы, пожалуй, рассмеялся, если бы не заметил в бегающих за квадратными очками глазах сумасшедшего блеска, присущего рабам лауданума.

– Мадам, – сказал Мэллори, неторопливо устанавливая ящик на землю между заляпанными грязью ботинками, – вы можете сойти с коляски без малейших опасений. Эти люди не имеют права принуждать вас...

Пижон сунул руку под умопомрачительно синий сюртук и рванулся вперед. Мэллори отбросил его толчком ладони и тут же почувствовал, как что-то обожгло ему левую ногу.

Пижон едва не упал, взвыл от ярости и снова пошел в атаку; в руке его узко блеснула сталь.

Мэллори принадлежал к практикующим последователям системы научного боксирования мистера Шиллингфорда. В Лондоне он еженедельно спарринговал в одном из гимнастических залов Королевского общества, а за месяцы, проведенные в дебрях Северной Америки, успел близко познакомиться с самыми грязными приемами драки.

Ребром левой ладони он отбил держащую стилет руку, а правым кулаком ударил противника в зубы.

Сверкнул, падая на утопанную землю, узкий обоюдоострый клинок с рукоятью из черной гуттаперчи. Коротышка сплюнул сгусток крови, но все же не утратил боевого задора; дрался он агрессивно, но, по счастью, неумело. Мэллори принял первую стойку Шиллингфорда и встретил ипподромного жучка – а кем, собственно, мог еще быть этот тип? – ударом в голову.

Теперь толпа, отпрянувшая при первом обмене ударами и блеске стали, сомкнулась вокруг дерущихся; внутреннее кольцо состояло по преимуществу из рабочих и жуликов. Народ крепкий и веселый, они были в восторге от неожиданного развлечения. Когда Мэллори достал противника своим любимым прямым в челюсть, болельщики подхватили того под руки и толкнули назад, прямо под следующий удар. Пижон рухнул на землю, нежно-оранжевый шелк его галстука был залит кровью.

– Я тебя уничтожу! – прохрипел поверженный герой. Один из его зубов, верхний глазной, торчал окровавленным осколком.

– Берегись! – послышался чей-то крик.

Мэллори повернулся. Рыжеволосая стояла прямо у него за спиной, глаза ее бешено расширились, а в руке что-то блеснуло – стеклянный вроде бы пузырек. Заметив, что взгляд девицы метнулся вниз, Мэллори мгновенно заступил между нею и продолговатым деревянным ящиком. После нескольких секунд игры в гляделки, когда девица, казалось, взвешивала шансы, она поспешила к нокаутированному пижону.

– Я тебя уничтожу! – повторил тот и снова сплюнул кровь.

Рыжая девица помогла своему дружку подняться на ноги. Толпа свистела, обзывала его трусом и пустобрехом.

– Попробуй, – предложил, показывая кулак, Мэллори.

Сильно помятый красавчик взглянул на Мэллори со звериной, бездонной ненавистью, тяжело оперся о плечо девицы и исчез вместе с ней в толпе. Мэллори торжествующе подхватил ящик, повернулся и стал проталкиваться сквозь кольцо хохочущих мужчин; кто-то от полноты души шарахнул его по спине.

Он подошел к коляске и шагнул внутрь, в потертый бархат и кожу. Шум толпы стихал – заезд закончился, победитель известен.

Дама обвисла на обтрепанном сиденье, ее вуаль чуть колыхалась. Мэллори быстро оглянулся, опасаясь нападения, но увидел только равнодушную толпу; окружающее странным образом преобразилось, мгновение застыло, будто он видел дагеротип, запечатлевший малейшие оттенки светового спектра.

– Где моя компаньонка? – Голос дамы звучал тихо и почти безразлично.

– А кто она такая, эта ваша компаньонка, мадам? – Голова у Мэллори немного кружилась, левая штанина насквозь пропиталась кровью. – Не думаю, чтобы ваши друзья сколько-нибудь подходили для сопровождения леди...

Он тяжело опустился на сиденье, зажал рану ладонью и попытался разглядеть скрытое вуалью лицо. Замысловато уложенные локоны, светлые и, похоже, тронутые сединой, свидетельствовали о неустанных заботах хорошей камеристки. И было в этом лице что-то до странности знакомое.

– Я вас знаю, мадам? – спросил Мэллори.

Ответа не последовало.

– Могу я вас проводить? – предложил он. – У вас есть здесь *приличные* друзья, мадам? Кто-нибудь, кто мог бы о вас позаботиться?

– Королевская ложа, – пробормотала женщина.

– Вы желаете пройти в королевскую ложу?

Потревожить королевскую семью, свалив им на голову эту сумасшедшую, – подобная идея выходила за рамки разумного, но затем Мэллори подумал, что там непременно дежурят полицейские, каковые, собственно, и обязаны заниматься подобными историями. Так что не будем спорить с этой несчастной.

– Прекрасно, мадам. – Мэллори сунул ящик под мышку, другую же руку галантно предложил даме. – Мы немедленно проследуем в королевскую ложу. Идемте.

Слегка прихрамывая, Мэллори повел странную незнакомку сквозь бурлящий людской поток к трибунам. По дороге дама немного пришла в себя. Ее рука покоилась на его локте легко, как паутинка.

Мэллори ждал, пока царящий кругом гвалт хоть слегка поутихнет. Такой момент представился, когда они совсем уже подошли к белой колоннаде трибун.

– Разрешите мне представиться, мадам? Меня зовут Эдвард Мэллори. Член Королевского общества, палеонтолог.

– Королевское общество, – рассеянно повторила женщина, голова ее покачивалась, как бутон на стебле. Затем она пробормотала что-то еще.

– Прошу прощения?

– Королевское общество! Мы обескровили все тайны мироздания...

Мэллори слегка ошалел.

– Фундаментальные соотношения науки о гармонии, – голос очень культурный, очень спокойный и безмерно усталый, – допускают механическое отображение, что дает возможность создавать нетривиальные научные музыкальные произведения любой степени сложности и продолжительности.

– Конечно, конечно, – попытался успокоить ее Мэллори.

– Я полагаю, джентльмены, – прошептала женщина, – что результаты моих изысканий вас не разочаруют. Мои стройные, послушные войска смогут – на свой манер – достойно служить правителям земли. Но из какого же материала должны состоять мои армии? Огромные *множества* чисел.

Она лихорадочно схватила Мэллори за руку.

– Мы неудержимо двинемся под звуки *музыки*. – В ее голосе звучала странная горячая убежденность, – Тайна сия велика есть. Разумеется, мои войска будут состоять из множества *чисел*, иначе невозможно. Но что же это должны быть за числа? Есть такая загадка...

– Это ваш ларец, мадам? – спросил Мэллори в надежде, что вид знакомого предмета вернет незнакомку в реальный мир.

Однако боевой трофей рыцарственного палеонтолога не вызвал у нее ничего, кроме легкого недоумения. Если бы не полное отсутствие резьбы и прочих украшений, этот аккуратный, с латунными накладками ящичек из полированного розового дерева и вправду мог бы

служить ларцом для перчаток. Узкая длинная крышка запиралась на пару крохотных латунных крючков. Странная особа провела по крышке пальцем, словно убеждая себя в физическом существовании этого объекта, и явственно вздрогнула. Судя по всему, ящичек напомнил ей о недавних – и совсем еще не завершившихся – неприятностях.

– Вы сохраните его, сэр? – Это была не просьба, а мольба. – Вы возьмете его себе, на время?

– Разумеется! – не мог не растрогаться Мэллори. – Разумеется, сохраню. Пусть эта вещь лежит у меня сколько угодно.

Они медленно пробирались к лестнице королевской ложи. Ногу Мэллори обжигала резкая боль, штанина стала липкой от крови, голова кружилась сильнее, чем следовало бы при такой пустячной ране, – что-то в странных словах и еще более странном поведении женщины вышибло его из равновесия. Или, мелькнула неприятная мысль, стилет был намазан каким-то ядом. Мэллори уже жалел, что не прихватил его для анализа. Быть может, эту женщину тоже накачали какими-то наркотиками, чем объясняется ее кажущееся безумие. Быть может, он расстроил какой-то план похищения...

Внизу расчищали дорожку для гонки пароходов. Пять массивных машин – и крошечный «Зефир» – занимали свои места. Мэллори остановился, не в силах оторвать глаз от стального головастика, с которым он по собственной глупости связал свою судьбу; в тот же самый момент женщина выпустила его руку и устремилась к сверкающим свежей побелкой стенам королевской ложи.

Удивленный Мэллори бросился, прихрамывая, в погоню. У входа женщину притормозили охранники – двое полицейских в штатском, очень высокие и, похоже, хорошо тренированные. Легким, привычным жестом женщина откинула вуаль, и Мэллори разглядел наконец ее лицо.

Это была Ада Байрон, дочь премьер-министра. Леди Ада Байрон, королева вычислительных машин.

Она проскользнула мимо охранников и исчезла за дверью, даже не обернувшись, без единого слова благодарности. Мэллори со все тем же ящичком в руках поспешил за ней следом.

– Подождите! – крикнул он. – Ваша светлость!

– Минутку, сэр. – Один из полицейских – тот, что повыше, – вскинул мясистую ладонь и оглядел Мэллори с головы до ног, не обойдя вниманием ни деревянного ящика, ни мокрой от крови штанины. Его верхняя губа чуть скривилась. – Вы приглашены в королевскую ложу?

– Нет, – торопливо заговорил Мэллори, – но вы должны были видеть, как сюда только что вошла леди Ада. С ней случилось нечто ужасное, и мне кажется, она сейчас не совсем в себе. Я смог оказать ей некоторую помощь...

– Ваше имя и фамилия, сэр? – рявкнул второй полицейский.

– Эдвард... Миллер. – В последнее мгновение Мэллори почувствовал какой-то странный холодок и решил воздержаться от излишней – и опасной – откровенности.

– Вы позволите взглянуть на ваше удостоверение личности, мистер Миллер? – спросил первый полицейский. – Что это у вас там? Если вы не возражаете, я хотел бы заглянуть внутрь.

Мэллори прижал ящик к груди и попятился. Полицейский смотрел на него брезгливо и с подозрением – смесь крайне неустойчивая и опасная.

Снизу, с беговой дорожки, донесся грохот. Из разошедшегося шва итальянской машины вырвался столб пара, на трибунах возникла небольшая паника. Мэллори воспользовался случаем и заковылял прочь; полисмены не стали его преследовать – не решившись, по всей видимости, оставить пост.

Раненая нога мешала идти быстро, но его подгоняло желание поскорее затеряться в толпе. Движимый непонятным страхом, предчувствием какой-то опасности, он затолкал полосатую кепку в карман.

Удалившись от королевской ложи на почтительное расстояние, Мэллори нашел свободное место и сел; окованный латунию ящик он пристроил себе на колени. Дырка в штанине оказалась совсем маленькой, однако кровь все еще текла. Садясь, Мэллори болезненно поморщился и прижал к ране ладонь.

– Вот же зараза, – просипел сзади мужской голос, полный пьяной самоуверенности. – Этот фальстарт сорвет давление. Тут все дело в теплоте. А значит, победит тот, у кого самый большой котел.

– Ну и кто же это будет? – поинтересовался его спутник, по всей видимости сын.

Сиплоголосый зарылся в программку гонок:

– «Голиаф», владелец лорд Ханселл. Точно такая же машина выиграла и прошлогодние гонки.

Мэллори глянул вниз, на изрытую подковами дорожку. Водителя итальянской машины уносили на носилках, после того как не без труда извлекли из тесной кабины. Столб пара стал заметно ниже, но все еще застилал трибуны. К безжизненному металлическому остову спешили служители с упряжкой лошадей.

Из труб остальных машин вырывались острые белые струйки пара. Весьма впечатляла дымовая труба «Голиафа», увенчанная ослепительно надраенной медной короной; рядом с ней хрупкая, укрепленная растяжками труба «Зефира», имевшая в поперечном сечении все ту же каплевидную, обтекаемую форму, казалась совсем игрушечной.

– Жуткое дело! – высказался тот, что помоложе. – Этому бедному иностранцу, ему ж наверняка голову снесло взрывом, это уж и к бабке не надо.

– Черта с два! – возразил старший. – У него же вон какой шлем был.

– Так он же не шевелится, сэр.

– Если итальянцы не понимают в технике, им тут делать нечего, – презрительно заметил старший.

Ломовые лошади оттащили вышедший из строя пароход в сторону; заскучавшие было зрители ожили.

– А вот теперь мы увидим настоящее соревнование! – сказал старший.

Мэллори, ожидавший начала гонки с не меньшим, чем сосед, напряжением, неожиданно для себя обнаружил, что открывает загадочный ящик; его большие пальцы подняли латунные крючки, словно по собственной воле. Обклеенный изнутри зеленым сукном ящик был плотно набит тонкими молочно-белыми пластинками. Мэллори вытащил одну из них наугад, примерно из середины пачки. Машинная перфокарта, изготовленная по французским стандартам, только вот материал какой-то странный, неестественно гладкий и упругий. В углу карточки виднелись цифры, написанные бледно-лиловыми чернилами: #154.

Мэллори аккуратно вернул карточку на место и захлопнул крышку.

Взмах флага – и машины сорвались с места.

Лидировали «Голиаф» и французский «Вулкан». Непредвиденная задержка (*фатальная* задержка, с тоской подумал Мэллори) охладила крохотный котел «Зефира», вызвав тем самым непоправимую уже потерю энергии. «Зефир» катился в кильватере более крупных машин, комично подскакивая на глубоко перепавших их колесами колеях. Судя по всему, Честертону никак не удавалось набрать мощность.

Мэллори ничуть этому не удивлялся и ни на что больше не надеялся.

На первом же повороте началась борьба между «Вулканом» и «Голиафом», еще три машины чуть поотстали и катились ровной, как на параде, колонной. Наперекор всякому здравому смыслу «Зефир» выбрал для поворота самый длинный путь – по наружной кромке, далеко за пределами колеи своих конкурентов. Создавалось впечатление, что мастер второй ступени Генри Честертон, сидевший за рулем крохотной машины, просто свихнулся. Мэллори наблюдал за происходящим со спокойствием конченого человека.

А потом «Зефир» совершил невообразимый рывок. С непринужденной, сказочной легкостью он обошел всех остальных и выскользнул вперед, как арбузное семечко из плотно сжатых пальцев. На полумильном повороте его хвостовое колесико почти оторвалось от земли, но самое неожиданное произошло на финальной прямой: небольшой бугорок сыграл роль трамплина, и вся машина взмыла в воздух. Затем огромные, бешено вращающиеся колеса снова коснулись дорожки, раздался металлический скрежет, к небу взлетели клубы пыли. Только теперь Мэллори заметил, что над трибунами повисло гробовое молчание.

Ни одного выкрика, ни одного свистка – даже в тот момент, когда «Зефир» пересекал финишную черту. Затем он заскользил юзом и остановился, несколько раз подпрыгнув на выбоинах, оставленных колесами соперников.

Прошло целых четыре секунды, прежде чем ошеломленный судья махнул флажком. «Голиаф» и прочие стальные мастодонты еще только проходили поворот трека в добрых ста ярдах позади.

Потрясенные трибуны взорвались ревом – не столько радости, сколько полнейшего неведения и даже какого-то странного гнева.

Генри Честертон выбрался из кабины. Закинув назад концы длинного белого шарфа, он небрежно прислонился к сверкающей обшивке «Зефира» и с холодным высокомерием стал наблюдать, как остальные машины, ожесточенно пытаясь, подползают к финишной черте. За эти немногие секунды они постарели на столетия. Мэллори смотрел на них, как на живые окаменелости.

Он опустил руку в карман. Квитанции были в полной сохранности. Материальная природа их ничуть не изменилась, но теперь эти маленькие синие бумажки неопровержимо свидетельствовали о выигрыше в четыреста фунтов. Нет, в *пятьсот* – пятьдесят из которых предстояло передать главному победителю мистеру Майклу Годвину.

В ушах Мэллори, среди все нарастающего гула толпы, прозвучал чей-то голос.

– Теперь я богат, – спокойно произнес этот голос.

Его собственный голос.

Теперь он был богат.

* * *

Перед нами светский дагеротип, один из тех, которые распространялись представителями британской аристократии в узком кругу друзей и знакомых. Предполагаемым автором является Альберт, принц-консорт, человек, чей общеизвестный интерес к науке обеспечил ему тесные, доверительные отношения с радикалистской элитой Британии. Размеры помещения и богатство драпировок заднего плана укрепляют в мысли, что съемка производилась в Виндзорском замке, в личном фотографическом салоне принца Альберта.

На снимке изображены Ада Байрон, а также ее компаньонка и суа-дизан⁵ чапероне, леди Мэри Сомервилл. Лицо леди Сомервилл, автора трактата «О единстве физических наук» и переводчицы «Небесной механики» Лапласа, выражает отрешенное смирение женщины, свыкшейся с экстравагантными выходками своей более молодой компаньонки. На обеих женщинах – позолоченные сандалии и белые мантии, несколько напоминающие греческие тоги, но с заметным привкусом французского неоклассицизма. В действительности это орденская форма женщин, принадлежащих к «Обществу Света», тайному внутреннему органу и основному проводнику международной пропаганды промышленной радикальной партии. На голове

⁵ Soi-disant – самозванный (фр.).

пожилой миссис Сомервилл – бронзовый ободок, украшенный астрономическими символами, тайный знак высокого положения этой фам-савант⁶ в европейских научных советах.

Леди Ада, чьим единственным украшением является перстень с печаткой на указательном пальце правой руки, возлагает лавровый венок на мраморный бюст Исаака Ньютона. Несмотря на тщательно выбранную точку съемки, странное одеяние не льстит леди Аде, и ее лицо отражает внутреннее напряжение. В конце июня 1855 года, когда был сделан данный дагеротип, леди Аде было сорок лет. Незадолго до того она потеряла значительную сумму денег на скачках, но есть основания полагать, что эти игорные долги, хорошо известные в кругу ее близких друзей, просто маскируют исчезновение еще больших сумм, скорее всего – выманенных у нее посредством шантажа.

Она – королева вычислительных машин, заклинательница чисел. Лорд Бэббидж называл ее «маленькая Ада». Она не играет никакой официальной роли в правительстве, а краткий расцвет ее математического гения остался уже в прошлом. Но в то же самое время она, по всей видимости, является основным связующим звеном между своим отцом, великим оратором промышленной радикальной партии, и Чарльзом Бэббиджем, серым кардиналом и виднейшим социальным теоретиком.

Ада – мать.

Ее мысли сокрыты.

⁶ Femme savante – женщина-ученый (фр.).

Итерация третья

Плащ и кинжал

Представьте себе Эдварда Мэллори, поднимающегося по центральной лестнице Дворца палеонтологии, лестнице воистину великолепной. Массивные, черного дерева перила покоятся на кованой решетке с орнаментом из древних папоротников, китайских гинкго и цикад.

Заметим далее, что следом за ним шагает краснолицый носильщик с дюжиной глянцевых свертков – плодом длительного, методичного обхода лондонских магазинов. Навстречу Мэллори спускается лорд Оуэн, личность весьма корпулентная, с перманентно брюзгливой миной на лице и столь же перманентно слезящимися глазами. Глаза выдающегося анатома пресмыкающихся похожи на устриц, думает Мэллори. На устриц, изъятых из раковин и приготовленных к расчленению. Мэллори приподнимает шляпу. Оуэн в ответ бормочет нечто неразборчивое, что можно принять за приветствие.

Сворачивая на первую лестничную площадку, Мэллори замечает группу студентов, расположившуюся у открытого окна; студенты мирно беседуют, а тем временем над гипсовыми чудищами, украшающими сад камней дворца, опускаются сумерки.

Вечерний бриз колышет длинные льняные занавески.

Мэллори повернулся перед зеркалом платяного шкафа – правым боком, левым, потом опять правым. Расстегнув сюртук, он засунул руки в карманы брюк, чтобы лучше был виден жилет с узором из крохотных синих и белых квадратиков. «Клетка Ады» – называли такой рисунок портные, поскольку создала его сама Леди, запрограммировав станок Жаккарда так, чтобы он ткал чистейшую алгебру. Жилет – это главный штрих, подумалось Мэллори, хотя к нему чего-то еще не хватает, возможно – трости. Щелкнув крышкой серебряного портсигара, он предложил господину в зеркале дорогую сигару. Прекрасный жест, но невозможно же таскать с собой серебряный портсигар, как дамскую муфту; это уже будет полный моветон.

От переговорной трубы, чей раструб выступал из стены в непосредственном соседстве с дверью, донесся резкий металлический стук. Мэллори пересек комнату и откинул медную, покрытую с оборота резиной заслонку.

– Мэллори слушает! – крикнул он, наклонившись.

– К вам посетитель, доктор Мэллори, – прозвучал призрачный, бестелесный голос дежурного. – Послать вам его карточку?

– Да, пожалуйста!

Мэллори, не привыкший обращаться с решеткой пневматического устройства, завозился с позолоченной задвижкой. Черный гуттаперчевый цилиндр снарядом вылетел из трубы, пересек по параболе комнату и врезался в стенку. Подбрав его, Мэллори равнодушно отметил, что оклеенная обоями стена покрыта десятками вмятин. Открутив крышку цилиндра, он вытряхнул его содержимое. «Мистер Лоренс Олифант, – гласила надпись на роскошной кремовой карточке. – Журналист и литератор». Адрес на Пикадилли и телеграфный номер. Журналист довольно видный, если судить по карточке. Да и фамилия вроде бы знакомая. Не пишет ли этот Олифант в «Блэквудз»? На обороте карточки портрет светловолосого, начинающего лысеть джентльмена. Большие спаниельи глаза, ироничная полуулыбка, чахлая, реденькая бородка. Из-за бородки и залысин узкий череп мистера Олифанта казался длинным, как у игуанодона.

Мэллори сунул карточку в блокнот и оглядел комнату. Кровать была завалена мелким хламом, всегда сопутствующим покупкам: квитанции, обертки и упаковочная бумага, коробки из-под перчаток, обувные распорки.

– Будьте любезны, скажите мистеру Олифанту, что я встречу с ним в холле.

Быстро заполнив карманы новых брюк, он вышел из комнаты, запер дверь и зашагал по коридору – вдоль стен, сложенных из грубых, сплошь в ямах и выбоинах, известняковых плит, перемежающихся пилястрами из черного мрамора. Воистину драгоценные плиты – известняк, миллионы лет хранивший в себе окаменелые останки прошлой жизни. Новые туфли неприятно поскрипывали.

Мистер Олифант, неожиданно длиннорукий и длинноногий, одетый аккуратно, но слишком уж роскошно, ждал, привалившись спиной к конторке дежурного. Локти на мраморной стойке, нога закинута за ногу, такая себе расхлястанная поза, такой себе праздношатающийся джентльмен. Мэллори, повидавший более чем достаточно грошовых репортеров, горевших желанием накропать очередную восторженную статью о великом левиафана, ощутил легкий приступ беспокойства. Этот парень явно не прост, у него большие возможности и связи.

Худая долгопалая кисть журналиста оказалась на удивление сильной.

– Я здесь по делам Географического общества, – объявил Олифант достаточно громко, чтобы быть услышанным группой бездельничающих в холле ученых. – Комитет по исследованиям, понимаете? И вот я подумал: а нельзя ли проконсультироваться у вас по одному вопросу, доктор Мэллори?

– К вашим услугам, – ответил Мэллори.

Королевское географическое общество великолепно финансировалось, а его всемогущий Комитет по исследованиям ведал распределением географических грантов.

– Не могли бы мы поговорить наедине, сэр?

– Разумеется.

Мэллори последовал за журналистом в гостиную дворца, где Олифант отыскал укромный уголок, полускрытый лакированной китайской ширмой. Откинув полы сюртука, Мэллори сел на стул, Олифант же примостился на краешке красной шелковой банкетки, спиной к стене, и окинул взглядом гостиную, явно проверяя, нет ли поблизости лишних ушей.

– Похоже, вы неплохо знакомы с дворцом, – заметил Мэллори. – Заходите сюда по делам комитета?

– Не часто, но как-то я беседовал в этом салоне с одним из ваших коллег, профессором Фрэнсисом Радвиком.

– Ах да, Радвик. Бедняга.

Мэллори был несколько уязвлен, но отнюдь не удивлен. Радвик поддерживал массу деловых знакомств, что очень помогало при выбивании грантов из самых разнообразных источников.

Олифант печально кивнул:

– Я не ученый, доктор Мэллори, я только пишу путевые очерки. Безделушки, не более, хотя некоторые из них и были встречены публикой довольно благожелательно.

– Понимаю, – сказал Мэллори, убежденный, что раскусил сущность этого малого: богатый бездельник, дилетант. Вполне возможно, что у его семьи хорошие связи. По большей части такие ретивые пустозвоны совершенно бесполезны для науки.

– В Географическом, доктор Мэллори, – начал Олифант, – идут сейчас ожесточенные споры относительно предмета исследований. Вы, вероятно, знакомы с этой полемикой?

– Я был за границей, – ответил Мэллори, – и не в курсе многих новостей.

– Без сомнения, вас занимала собственная научная полемика, – понимающе улыбнулся Олифант. – Катастрофа против единообразия. Радвик не раз высказывался по этому вопросу. И весьма, скажу я вам, горячо.

– Сложная проблема, – пробормотал Мэллори. – Более чем запутанная.

– Лично мне доводы Радвика кажутся довольно шаткими, – небрежно бросил Олифант – к приятному удивлению Мэллори; почтительное внимание, светившееся в глазах журналиста,

также приятно щекотало самолюбие не избалованного поклонниками ученого. – Позвольте мне подробнее разъяснить цель моего визита. У нас в Географическом некоторые полагают, что много разумнее было бы не лезть в Африку на поиски истоков Нила, а обратиться к изучению истоков нашего собственного общества. Почему мы должны ограничивать исследования физической географией, когда существует столько проблем географии политической и даже моральной, проблем не только не разрешенных, но даже плохо еще сформулированных?

– Весьма любопытно, – кивнул Мэллори, совершенно не понимая, к чему клонит его собеседник.

– Как выдающийся исследователь, – продолжил Олифант, – что бы вы ответили на предложение такого примерно рода... – Он словно разглядывал некую пылинку, повисшую где-то на полпути между ним самим и собеседником. – Предположим, сэр, что требуется исследовать не бескрайние просторы Вайоминга, а некий определенный уголок нашего Лондона...

Мэллори тупо кивнул. А в своем ли он уме, этот Олифант?

– Не следует ли нам, сэр, – в голосе журналиста появилась дрожь с трудом сдерживаемого энтузиазма, – провести абсолютно объективные, чисто статистические исследования? Не следует ли нам изучить общество с невиданной прежде точностью и подробностью? Выводя тем самым новые принципы – из бесчисленных актов взаимодействия людей; из самых потаенных перемещений денег; из бурного течения прохожих и экипажей по улицам... Предметы, которые мы неопределенно относим по ведомству полиции, здравоохранения, общественных служб – но подвергнутые тщательнейшему рассмотрению острым, ничего не упускающим глазом ученого!

Взгляд Олифанта пылал неподдельным энтузиазмом, ясно показывая, что вся его недавняя вялая расслабленность была напускной.

– В теории, – неуверенно начал Мэллори, – такой подход представляется весьма перспективным, но я сильно сомневаюсь, чтобы научные общества могли обеспечить машинное время, необходимое для столь обширного и амбициозного проекта. Как вспомнишь, сколько пришлось мне воевать, чтобы провести элементарную оценку напряжений в обнаруженных мною костях... На машинное время огромный спрос. Да и с чего бы это Географическое общество взялось за такое дело? С какой такой стати станут они разбрасываться деньгами, необходимыми для экспедиционной работы? Уж скорее прямой запрос в парламент...

– Правительству не хватает фантазии, интеллектуальной смелости, да и просто трезвой объективности. Ну а если бы вам предложили машины полиции, а не того же Кембриджского института? Как бы вы к этому отнеслись?

– Вычислительные машины полиции? – поразился Мэллори. Идея показалась ему совершенно невероятной. – Ну зачем им делиться с кем-то своими машинами?

– Ночью их машины почти бездействуют, – улыбнулся Олифант.

– Бездействуют? – переспросил Мэллори. – Вот это уже крайне интересно. Но если эти машины поставить на службу науке, мистер Олифант, легко ожидать, что другие, более неотложные проекты быстро съедят все свободное машинное время. Без мощной поддержки предложение вроде вашего просто не сможет пробиться к началу очереди.

– Но в принципе вы согласны? – не отставал Олифант. – Вас смущает только техническая сторона дела или что-нибудь еще? Были бы доступны ресурсы, а основную идею вы считаете интересной?

– Прежде чем активно поддержать такой проект, я должен ознакомиться с подробным рабочим планом. Кроме того, я сильно сомневаюсь, что мое слово будет иметь какой-то вес в Географическом обществе. Вы же знаете, что я не являюсь его членом.

– Вы преуменьшаете свою растущую славу, – возразил Олифант. – Избрание Эдварда Мэллори, открывателя сухопутного левиафана, пройдет в Географическом на ура.

Мэллори потерял дар речи.

– Вот, скажем, Радвик, – небрежно заметил Олифант. – После этой истории с птеродактилем он сразу стал действительным членом.

Мэллори неуверенно откашлялся.

– Я думаю, что стоит...

– Я почел бы за честь, если бы вы позволили мне заняться этим делом лично, – сказал Олифант. – Все пройдет без сучка без задоринки, уж это я вам обещаю.

Уверенный тон Олифанта не оставлял места сомнениям. Мэллори склонил голову перед неизбежным. Этот журналистик не оставил ему места для маневра, тем более что членством в богатом и могущественном Географическом обществе никак не стоило пренебрегать. Новая ступенька профессиональной карьеры. Он уже видел новую аббревиатуру, приписанную к своему имени: Мэллори, Ч. К. О., Ч. К. Г. О.

– Это вы оказываете мне честь, сэр, – сказал Мэллори, – только слишком уж много из-за меня хлопот.

– Я питаю глубочайший интерес к палеонтологии, сэр.

– Удивлен, что подобный интерес проявляет автор путевых заметок.

Олифант сложил длинные пальцы домиком и поднес их к тщательно выбритой верхней губе.

– Доктор Мэллори, я обнаружил, что «журналист» – удобное расплывчатое обозначение, позволяющее заниматься любыми, пусть даже крайне необычными исследованиями. По натуре своей я человек широких, хоть и прискорбно поверхностных интересов. – Он патетически развел руками. – Я прилагаю все свои силы, чтобы служить истинным ученым, притом что собственное мое положение во внутренних кругах великого Географического кажется мне не очень заслуженным, да я к нему никогда и не стремился. Внезапная слава может иметь самые неожиданные последствия.

– Должен сознаться, что я не знаком с вашими сочинениями, – смутился Мэллори. – Я был на другом континенте и основательно запустил чтение. Надо понимать, ваши книги имели большой успех.

– Да при чем тут книги? – удивился Олифант. – Я участвовал в этой истории с токийской миссией. В Японии. В конце прошлого года.

– Кошмарный эпизод в нашем посольстве, так, кажется? Кого-то там вроде ранили? Я тогда был в Америке...

Олифант помедлил, потом согнул левую руку и оттянул безупречный манжет. Чуть повыше кисти, на внешней ее стороне, краснел длинный узкий, затянутый сморщенной кожей шрам. Ножевой порез. Хуже того – удар саблей, прямо по сухожилиям. Только тут Мэллори заметил, что два пальца на левой руке Олифанта скрючены и не двигаются.

– Так это были вы! Лоренс Олифант, герой токийской миссии! Вот теперь все встало на место. – Мэллори погладил бороду. – Напрасно на вашей карточке нет *этого*, тогда бы я сразу вас вспомнил.

Олифант опустил рукав, вид у него был несколько смущенный.

– Шрам от японского меча – довольно необычное удостоверение личности...

– Теперь я вижу, сэр, что ваши интересы действительно разнообразны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.